

Вадим Россик

Репетитор

Вадим Россик Репетитор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8958563

ISBN 978-5-4474-0444-4

Аннотация

Нужно быть осторожным с репетитором. Он может оказаться совсем не тем, кем кажется! Остросюжетный боевик из лихих девяностых.

Содержание

Небольшая услуга	5
Пролог	5
Часть первая	6
1	6
2	9
3	11
4	14
5	17
6	20
7	23
8	26
9	28
Часть вторая	33
1	33
2	36
3	38
4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Репетитор Вадим Россик

© Вадим Россик, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Небольшая услуга

Пролог

Осенняя, мокрая от дождя Москва. Уже поздняя ночь, но в одном из окон огромного казенного здания, за плотными тяжелыми шторами, горит свет. В строгом кабинете двое мужчин заканчивают долгий и трудный разговор.

– Ну что же, Евгений Михайлович, теперь я вижу, что вы и сами понимаете, какая острая ситуация сейчас складывается. Президент стар и болен. Если не предпринять решительных мер, можно потерять все.

– Да, товарищ генерал, я с вами абсолютно согласен. Нужно спасать страну.

– Значит, я могу быть уверенным, что вы выполните порученное?

– Так точно. Приложу все силы.

– Очень хорошо. Завтра, вернее уже сегодня, я доложу наверх, что операция начинается. А вам, полковник, – желаю успеха.

Мужчины прощаются. Оставшись один, хозяин кабинета некоторое время неподвижно сидит в кресле, снова и снова прокручивая в голове только что состоявшийся разговор. Потом, посмотрев на часы, поднимает трубку телефона.

– Да, это я. Он согласен принять участие в операции. Нет, я думаю, что он ничего не заподозрил. Исполнитель? Да, мы подобрали. Бывший офицер Внешней разведки. Специалист вроде неплохой, но человек какой-то странный. Нет, никто не хватится. Мы проверили. Кому он нужен... Да, хорошо. Все как договорились. Нет. Я думаю, провала быть не может. Операция будет проходить под полным нашим контролем. Да-да, наш человек будет неотступно... Нет. Не волнуйтесь. Все будет в порядке. Да. Я буду постоянно держать вас в курсе дела. До свидания.

Хозяин кабинета осторожно кладет трубку и снова застывает в глубоком раздумье. Только что он поставил на карту не только свою карьеру, но возможно даже и жизнь.

Часть первая

*«Знающий не говорит,
говорящий не знает».*

*Лао-цзы,
китайский философ (VI – V вв до н. э.)*

1

В трамвае, как всегда в час пик, народу было битком. Мне удалось, изменив своим правилам, втиснуться в последнюю дверь старого вагона. Обычно, я стараюсь садиться в общественном транспорте ближе к кабине водителя, так как на задней площадке ездят все человеческие отбросы нашего общества – начиная с обычных алкоголиков и кончая бомжами. Как правило, там сильнее воняет мочой и, с легкостью, начинаются конфликты по любому поводу. А я конфликтов не люблю и тщательно их избегаю.

Однако на этот раз мне не повезло. Пропихиваясь подальше от двери, я нечаянно задеваю портфелем какого-то поддатого типа. Тип поворачивается ко мне и гнусаво говорит какую-то грубость. Я стараюсь его не слушать и, чтобы не провоцировать, на всякий случай, киваю и улыбаюсь. Мол, сам понимаю дружище, что виноват, но что тут поделать – теснота!

За окном зажигаются огни. Наш громыхающий трамвай обгоняют дорогие иномарки с новыми хозяевами жизни. Обирая всю страну, забирая у тружеников все до копейки, у владельцев золотых унитазов все равно не хватает денег на приличные трамваи. Вот и везут нас в наше убогое будущее вагоны сработанные еще, так сказать, рабами Рима. Глядя на происходящее вокруг бесстыдство, начинаешь лучше понимать революционеров прошлого. Так и тянет стать большевиком и заняться практическим марксизмом, как называл товарищ Сталин грабежи банков и прочую уголовщину.

Несмотря на то, что за бортом нашего трамвая прохладный октябрь, внутри душно и жарко. На задней площадке в руках какого-то меломана орет «китайская балалайка» – дешевый магнитофон. Этот шум и соседство грубияна, от которого разит перегаром, начинают действовать мне на нервы. Я стараюсь выровнять дыхание и абстрагироваться от окружающего бардака. Сосредоточиваюсь на своих делах и заботах. Скоро надо платить за квартиру, купить себе зимнюю куртку и обувь, а доходы мои не растут, а совсем наоборот – «финансы поют романсы», как говаривал мой папа.

Весь мокрый от пота выбираюсь, наконец, на своей остановке наружу. Пропускаю мимо себя трамвай с грубияном, пересекаю рельсы и, не торопясь, иду по вечерней улице, вдыхая холодный и сырой воздух. Все также не торопясь, дохожу до своего дома, где я снимаю полупорку вот уже около года, подхожу к подъезду и... неспешно следую дальше, хотя больше всего на свете в этот момент хочу оказаться в своей теплой комнатке на диване перед телевизором.

К сожалению, выясняется, что я не могу этого себе позволить, не узнав предварительно, что от меня нужно какому-то гражданину среднего роста и среднего телосложения в неброской куртке и лыжной шапочке, который сначала шел за мной до трамвая и теперь снова сопровождает меня от остановки до дома. Вряд ли это случайное совпадение. Интересно, кому понадобилась моя скромная персона? Кто заинтересовался ничем непримечательным репетитором английского языка до такой степени, что пустил за ним серьезный хвост? Незнакомец не сидел со мной в трамвай, значит, есть еще и машина с дополнительным набором любопытных.

Рассуждая про себя подобным образом, я делаю небольшой круг по соседним улицам и, сделав соответствующие наблюдения, возвращаюсь к своему дому. Хвост неотступно шагает следом. Машину я тоже вскоре нахожу. Серая «девятка» с тонированными стеклами, чтобы не видно было, кто внутри. Она изредка показывается на перекрестках, следуя параллельно нашему курсу. Значит у них радиосвязь. Солидно. Хотя, это еще ни о чем не говорит. Сейчас и бандиты оснащены не хуже, а порой и лучше органов. Но такая опека меня? Вот, что удивляет. Кто вышел на меня и зачем? Интуиция, правда, подсказывает мне, что скоро эти люди постараются войти со мной в контакт. Мне было бы удобней, что бы это произошло у меня дома. Дома и стены помогают. С этой внушающей оптимизм мыслью я и засыпаю несколько часов спустя.

Неизбежно, как мировая революция, наступает утро следующего дня. Это – выходной и я могу позволить себе подольше поваляться в постели. Жены у меня нет, детей тоже, состояния я не нажил, поэтому беззаботно включаю телевизор и решаю сегодня устроить себе праздник лени. По телевизору транслируют выступление Боровского – лидера Национальной либеральной партии.

– Нас напрасно называют фашистами! – истерически кричит Боровский с экрана, – только наша партия твердой рукой способна навести порядок в стране! Граждане, скоро вы должны будете сделать выбор – кто станет президентом и кто сможет вывести страну из того тупика, в который ее загнали коммунисты и демократы. Наша партия выступает за введение железного порядка на территории России! Предприниматели получают снижение налогов, народ дешевую водку, армия новую, самую современную технику. Мы будем вести правильную национальную политику. Все для русского человека! Нас снова начнут уважать и бояться! Россия для русских! Москва для москвичей! Граждане России, сделайте правильный выбор!..

И так далее. Обычный набор популистских фраз. Но на многих это действует. К сожалению, люди в массе своей плохо знают историю и не склонны к анализу. Честолюбивые личности, используя невежество толпы, на эмоциях въезжают в высокие кабинеты и обманывают свой народ снова и снова.

После выступления Боровского, диктор бодро зачитывает данные социологических опросов, которые показывают, что вождь Национальной либеральной партии с большим отрывом лидирует в начинающейся президентской гонке. Если бы выборы проходили сейчас, то он, возможно, набрал наибольшее количество голосов. Боровского поддерживают и в столице и в промышленных центрах и в сельскохозяйственных районах. Прохладно к нему относятся только на национальных окраинах. Еврейские организации выступили с очередным протестом против антисемитских высказываний Боровского. Но это и понятно. Эти люди чувствуют, что в случае победы Национальной либеральной партии на выборах, они станут козлами отпущения для нового режима. Кто-то же должен ответить за годы развала, обнищания и позора. Иностранцы и евреи! Рецепт древний как сами евреи, но все еще действенный.

Политическое телешоу закончилось. Началась реклама. На экране замелькали женские прокладки, тампоны, зубная паста, шампуни и краска для волос. Средства гигиены сменили продукты питания – супы быстрого приготовления, называемые в народе «бич-пакетами», соевая колбаса, «натуральные» соки из химических ингредиентов. За последние годы рекламы на телевидении стало так много, что после длинных рекламных вставок часто забываешь, какую передачу ты смотришь.

Выключив телевизор, я проделываю свой обязательный утренний комплекс упражнений, принимаю душ и отправляюсь на кухню завтракать. Когда я уже пью кофе, раздается звонок в дверь. Бесшумно подойдя, я осторожно смотрю в глазок. В наше смутное время за излишнюю доверчивость можно получить шилом в глаз, а, если с той стороны окажется

кто-нибудь побогаче, то и пулю. Перед дверью, однако, вполне мирно стоит высокий крупный мужчина в темном пальто и шляпе. На вид ему лет сорок пять-пятьдесят. В руках он держит кожаную папку. Мужчина мне совершенно незнаком. Хотя незнакомец выглядит солидно и, с первого взгляда, не представляет опасности, я все же не распахиваю перед ним дверь. Возможно почувствовав, что за ним наблюдают, он снова нажимает на звонок.

– Кто там? – спрашиваю я недовольным тоном.

– Открывайте, Баринов, – спокойно говорит басом мужчина. – Нам нужно поговорить.

Одной короткой фразой незнакомец расставил точки над *i* или, если кому-то так больше нравится, над *ё*. Квартиру я снимал под фамилией Васильев, и вообще был Васильевым уже несколько лет, а Бариновым я был когда-то давно, в другой жизни, когда работал в одной очень секретной организации, и выполнял очень секретные задания, о которых потом постарался забыть. Значит, мой непрощенный гость имел возможность почитать мое личное дело, которое я никогда не видел, но которое, несомненно, где-то до сих пор хранится. Теперь становится яснее вчерашний хвост за мной, но все же у меня остается еще много вопросов, ответы на которые, возможно, я получу в ходе общения с незнакомцем.

Я молча открываю дверь и вопросительно смотрю на мужчину.

– А вы не ошиблись квартирой? – спрашиваю я его на всякий случай.

– Не валяйте дурака, Баринов! На лестнице нам разговаривать будет не совсем удобно, а поговорить есть о чем.

Ну, что ж. Незнакомец прав. Посторонившись, даю ему возможность войти. Гость уверенно проходит в комнату и, не особо церемонясь, располагается в моем единственном кресле. Я, тоже оставив в стороне ненужные условности, сажусь напротив него на диван и вопросительно смотрю ему в лицо. Как бы проверяя мое терпение, он, не торопясь, достает сигареты и спокойно закуривает, не обращая на меня никакого внимания. Чего-чего, а терпения мне не занимать. Так мы и сидим некоторое время, разглядывая друг друга. Комната постепенно наполняется табачным дымом. Наконец решив, что проверка моего терпения закончена или просто докурив сигарету, незнакомец произносит:

– Вы наверно догадываетесь, что я пришел к вам по серьезному делу, а не на урок английского языка. Я ознакомился с вашим личным делом. Баринов Сергей Иванович. Нелегальная разведка. Специальность – разведчик-боевик. Впечатляющее начало – три боевых ордена, выполнение самых сложных и ответственных заданий. Потом, с развалом Советского Союза, вы уходите из организации, да еще и пытаетесь спрятаться от бывших коллег. Избегаете контактов, пытаетесь замести следы. Живете по поддельным документам. Вы, конечно, воображали Баринов, что хорошо замаскировались, и мы вас не найдем, но вы явно нас недооцениваете. Специалисты такого класса как вы на особом учете. Вас не трогали до поры, но теперь обстоятельства изменились, и нам понадобилась ваша помощь.

Незнакомец замолкает и грозно смотрит на меня. Впрочем, его грозный взгляд отнюдь не повергает меня в трепет.

– Как мне вас звать? – спрашиваю я просто так, из вежливости. Все равно он мне скажет вымышленное имя, под которым работает со мной. Но все же как-то нужно его называть, чтобы он не обижался.

– Можете звать меня Александром Александровичем, – сообщает мне гость и закуривает новую сигарету.

– Послушайте Александр Александрович, – говорю я спокойно, – мне кажется, что вы зря пришли ко мне. Я ушел из организации. Ушел раз и навсегда. Баринова больше нет. Меня не интересуют ваши проблемы. Решайте их сами.

– Вы давали присягу...

– Присягу я давал другой стране. Той страны больше нет и правильно, что ее больше нет. Стране, в которой я живу в настоящее время, я ничего не должен.

Мое упрямство начинает раздражать Александра Александровича. Его грубое квадратное лицо с агрессивно торчащим подбородком наливается кровью, густые брови хмуро нависают над маленькими холодными глазками, а толстые пальцы машинально сжимаются в здоровенные кулаки.

– Из нашей организации не уходят Баринов, – веско говорит Александр Александрович, – и вы это отлично знаете. Вы обязаны выполнить любой приказ Родины, как бы она не называлась в тот или иной период. Для вас появилась работа, поэтому перестаньте ломать комедию и, наконец, перейдем к делу.

– «Отдельная человеческая личность со своими интересами в расчет не принимается, так как она является лишь частью общего, для которого она обязана жертвовать всем», – процитировал я. – Знаете, кто это сказал?

– Не знаю, но сказано совершенно правильно, – ответил мне гость.

– Это сказал Адольф Гитлер. Я должен вам повторить Александр Александрович – вы зря сюда пришли. Вы и ваши руководители моей родиной не являются и приказывать мне не могут. Я не хочу иметь с вами никаких дел. Прощайте.

Я встаю с дивана и приглашающим жестом указываю в сторону двери. Незванный гость окидывает меня с головы до ног тяжелым взглядом, потом резко поднимается с места и идет к выходу. На пороге он поворачивается и рычит, уже не скрывая злобы:

– Ты делаешь большую ошибку! Наш разговор не закончен. Мы обязательно еще увидимся.

2

После ухода Александра Александровича я улегся на диван, чтобы в моем любимом горизонтальном положении спокойно обдумать сложившуюся ситуацию. Этот неожиданный визит серьезно обеспокоил меня. Во время всеобщего развала в начале девяностых я смог уволиться из организации и на всякий случай постарался хорошенько замести следы. В неразберихе реорганизаций, переименований и ликвидаций никто мною не интересовался. Начальство и многие товарищи по службе были озабочены лишь тем, как побольше урвать для себя.

Я сменил пару имен и несколько мест жительства, сделав небольшой круг по стране и лишь недавно вернувшись в Москву. За прошедшие несколько лет никто из бывших коллег не тревожил меня. Мне казалось, что с прошлым покончено навсегда и применяемые мною скорее по привычке меры предосторожности уже излишни. Однако появление Александра Александровича доказывало, что я сильно ошибался. Кто-то все это время следил за мной. Следил очень осторожно, иначе я давно уловил бы это. Таким образом, несмотря на то, что я больше не работал в органах, какие-то люди делали на меня определенную ставку и хотели снова заставить играть меня в свои игры. И никому не было никакого дела до моих собственных желаний.

Мое детство проходило на Урале, в одном из крупных промышленных центров Советского Союза. В нашей семье жил старый японец Такэда Исао, дедушка Исай, как все его называли. После окончания войны мой отец находился в Трудармии, работал на строительстве металлургического комбината. Рядом с трудармейцами часто работали и пленные разных национальностей. Там мой отец познакомился с этим удивительным человеком. У маленького тихого Такэды было бурное прошлое. Это был еще тот дедушка!

Такэда Исао родился в Японии на острове Кюсю в 1901 году. Его отец был главой клана Кэда и возглавлял отряд самообороны в своей деревне. Его клан принадлежал к знатному самурайскому роду Такэда. Исао с четырех лет под руководством отца изучал различные боевые искусства. С семи лет маленький самурай посещал храм Синто, где монахи

обучали его философии секты Сингон. Исао показал большие способности к фехтованию на мечах и рукопашному бою и в шестнадцать лет получил из рук отца «мэнкё-кайдэн» – диплом о постижении всех секретов семейной школы дзю-дзюцу «Черный Леопард». Вскоре он покинул родную деревню и отправился в Токио – поступать в университет. В дороге он услышал о странном человеке по имени Одо Чоки – лекаре и чудотворце, который основал новую секту – секту Двух Тигров, целью которой являлось установление на Земле «Единого Царства» основанного на политическом, культурном и экономическом союзе между Японией и Германией. Исао решил присоединиться к Одо и по совету своего нового духовного отца открыл в пригороде японской столицы додзё, где стал преподавать основы Черного Леопарда приверженцам Двух Тигров.

В тридцатых годах двадцатого века Такэда находился в Маньчжурии, где, судя по всему, выполнял задания японских спецслужб. Об этом периоде своей жизни старик говорить не любил. Во время Второй мировой войны он каким-то образом оказался в фашистской Германии, где тренировал охрану имперской рейхсканцелярии, так называемых «зеленых людей». Это было самое секретное подразделение Гитлера. Известно, что в него входили тибетские монахи, давшие клятву вечной верности фюреру. Они носили эсэсовскую форму без знаков различия, а их командир никогда не снимал зеленых перчаток. Во время штурма Берлина все тибетцы погибли, выполнив свою клятву и навсегда унеся с собой много тайн Третьего Рейха. Однако Такэда чудом уцелел, был задержан и пока с ним разбирались советские органы, началась война с Японией. Маленький японец оказался очень упрямым и не дал никаких показаний, несмотря на угрозы и побои. В конце концов, Исао был просто отправлен в лагерь военнопленных в Омск. Это был настоящий лагерь смерти. Многие японцы погибли там от голода и холода. Однако Такэда выжил и оказался на той же стройке, где работал и мой отец. Так они и познакомились. Вскоре к отцу приехала его сестра Мария и одинокий японец быстро нашел с ней общий язык. Когда пленных японцев начали отправлять на родину, Такэда отказался возвращаться, получил разрешение остаться в Советском Союзе и женился на Марии. Еще находясь в лагере, он узнал, что все его близкие погибли во время американской бомбардировки. Через несколько лет сестра отца умерла от туберкулеза. Детей у них не было, и Исао опять остался один. Мой отец к тому времени тоже женился и позвал японского родственника к себе. Так дедушка Исай стал жить в нашей семье.

Знакомство с Такэдой сильно повлияло на отца и он отдал меня старику на воспитание. Старый японец стал моим учителем. Большую часть времени я проводил с ним. Такэда учил меня науке жизни и смерти. Он говорил: «Если ты хочешь изменить мир, то начни с изменения самого себя». С утра до вечера он вел жесткий тренинг, превращая меня в совершенный инструмент. Старый самурай закалял мое тело и воспитывал душу. Под его руководством я восемь лет изучал бой голыми руками и бой с оружием, способы поражения противника на расстоянии, бой против различных животных, искусство маскировки и выживания. Он научил меня приемам восточной медицины, которыми можно было человека вылечить или убить и еще многому успел научить меня дедушка Исай.

На Востоке считается, что каждый человек постигает жизнь идя по одной из пяти дорог: воина, мага, монаха, йога или агни-йога. Старый Такэда помог мне выбрать дорогу воина, а когда умер, то превратился в моего Внутреннего Учителя.

Телефонный звонок вернул меня из прошлого в настоящее, в осеннюю Москву. Трубку я брать не стал. В конце концов, у меня сегодня выходной. Дождавшись, когда телефон умолкнет, я отправился на кухню. Война войной, а обед по расписанию. Неторопливо поглощая горячие пельмени, я так и этак крутил в голове варианты своих дальнейших действий. В общем, к концу обеда я решил просто удрать от грозного Александра Александровича. Конечно, он постарается не допустить этого, но во мне уже начал пробуждаться бойцовский азарт.

Такэда Исао делил жизнь воина на три постоянно меняющихся периода: желтый, оранжевый и красный. Большую часть времени боец находится в желтом периоде. Он живет как обычные граждане – учится, работает, занимается повседневными делами. Свою физическую форму и приобретенные навыки он поддерживает регулярными, но не предельно интенсивными тренировками. Сознание бойца в это время практически выключено, оно ждет своего часа.

Оранжевый период – это время подготовки к бою. Чаще всего судьба предоставляет мало времени для перехода от желтого периода к красному. Но если у воина есть возможность планировать свою подготовку к бою, в оранжевый период заранее задействуются все имеющиеся способности с целью достижения максимальной боевой готовности.

Красный период – это время победить или умереть, время максимального напряжения всех сил. Сосредоточившись на поставленной цели, воин сражается, не зная страха, боли, сомнений. Он ведет бой столько времени, сколько понадобится, автоматически, не думая и остановить его может только смерть.

Уже несколько лет я находился в желтом периоде. Появление Александра Александровича стало чертой отделяющей желтый период от оранжевого.

3

На следующий день я ехал в поезде №160 Москва – Санкт-Петербург. В него я сел ночью после длительных и хитрых маневров по Москве. Я надеялся, что мне удалось выиграть немного времени для того, чтобы забрать в Питере документы на новое имя, которые я в свое время там спрятал. Так, на всякий случай. Теперь они могли мне пригодиться.

Лежа на верхней полке купейного вагона, я снова и снова перебирал события последних дней, визит Александра Александровича и свои действия. И хотя мне казалось, что я все сделал правильно, что-то, наверное, пресловутое шестое чувство, говорило, что эта история не закончена, что все еще только начинается и расслабляться мне ни в коем случае нельзя.

За окном вагона проплывали мокрые осенние перелески, темные от времени и непогоды деревенские домики, полосатые шлагбаумы переездов. Частый дождь покрывал каплями оконное стекло, в щели поддувал холодный ветер, но весь этот неуют и уныние природы оказывали на меня противоположное действие. Я чувствовал подъем. Период бесцельного существования закончился. Передо мной опять стояла сложная задача, и для ее выполнения я должен был снова стать самим собой. Идеальная машина для решения невыполнимых задач. Кто кого. Все содержание нашей жизни в конечном итоге сводится к этому – кто кого. Как сказал кто-то из великих: «Вся жизнь борьба» и т. д. и т. п., но не будем тревожить великих в могилах, повторяя их банальные истины.

С соседями по купе мне повезло. Остальные три места заняли пожилые женщины, ехавшие в город на Неве по своим делам. Кто в гости к детям и внукам, кто возвращался домой из Москвы. Они сразу перезнакомились друг с другом и дружно взялись за меня. Напоив и накормив меня из своих неиссякаемых запасов и узнав, что я не женат, женщины приняли горячее участие в моей незавидной судьбе.

– Сергей, – начала самая старшая из них, баба Маша, – в Питере меня будет встречать внучка. Девка красивая, студентка. Я тебя с ней познакомлю. Поженитесь, а я вам дом подарю в Гатчине.

– В своем же доме воду надо носить, дрова рубить, – закапризничал я.

– И дрова вам подарю, – расщедрилась старушка, – только живите.

– Нет, мне такую невесту не надо, – наотрез отказался я.

– А какую же тебе невесту подавай? – заинтересовалась другая попутчица.

– Мне нравятся блондинки с квартирой в Москве, – твердо ответил я, – а не студентки с дровами.

– Ишь ты, какой переборчивый, – обиделась за внучку баба Маша. – Блондинку ему подавай, а блондинки-то все дуры и гулены.

– А я ищу исключение из правил, – не отступал я и, чтобы прекратить этот разговор, сделал вид, что задремал.

Попутчицы собрались вместе и стали тихонько о чем-то совещаться. Спустя некоторое время в купе заглянула проводница с чаем.

– Слушай, Люся, – громким таинственным шепотом спросила ее баба Маша, – у вас здесь среди проводниц блондинки есть?

– Зинка из одиннадцатого вагона, – немного подумав, ответила Люся, – правда она крашенная. А вам зачем?

– Тут у нас парень наверху спит. Парень видный, неженатый. Говорит, что женился бы на блондинке из Москвы. Зинка-то твоя, откуда будет?

– У нее квартира в Балашихе, почти Москва.

Женщины сразу заволновались.

– Давай ее мигом сюда. Скажи – жениха ей нашли. Пусть быстренько причепурится и летит.

Проводница послушно исчезла за дверью. Из-под моей полки послышалось радостное перешептывание непрошенных свах. Я перевернулся на спину и свирепо уставился на дверь, ожидая «невесту». Дверь решительно отъехала в сторону и в проеме показалась какая-то громадная толстуха лет сорока пяти в туго обтягивающей ее железнодорожной форме. Ее короткие волосы были действительно окрашены в яичный цвет. Она вопросительно оглядела купе, очевидно в поисках суженого.

«Свахи», сидя под моей полкой, подозрительно затихли, явно пораженные богатырской внешностью Зины.

– Ну, кто тут хотел со мной познакомиться? – рявкнула женщина-великан хриплым басом.

Пассажиры не издали ни звука. Наконец, баба Маша, самая опытная и многое повидавшая на своем веку, опомнилась первой и робко пискнула:

– Вон он, наверху спит, сердешный.

Зина подняла голову и, встретившись с моим взглядом, сразу поняла, что она не моя песня. Презрительно посмотрев на меня, она круто развернулась и величественно удалилась в свой одиннадцатый вагон. Проводив глазами ее желтый затылок, я свесился с полки вниз и строго сказал притихшим попутчикам:

– Не подходит. Это не женщина, а гора. Зачем мне этот вулкан страстей?

После этого брачного фиаско женщины оставили меня в покое.

Выйдя на всякий случай на одной из станций вблизи Петербурга, я на электричке добрался до города на Неве уже ночью. В Петербурге у меня были знакомые, у которых можно было остановиться и я, немного поразмыслив, решил позвонить Маргулису. Когда-то мы с ним учились в институте, дружили, а после окончания института изредка судьба сводила нас вместе. Я слышал, что в Питере Маргулис занимался каким-то мелким бизнесом и мог быть мне полезен, потому что обладал широкими связями в самых разных кругах местного общества.

Маргулис был дома и взял трубку сразу после гудка. Судя по голосу, он не сильно удивился, услышав мое:

– Евреи тут живут?

– А кто это? – осторожно спросил он.

– Еврейский погром, – бодро объяснил я.

– Привет Серега! – обрадовался Маргулис. – Откуда ты звонишь?

Я намекнул о своем бездомном положении и он, без лишних разговоров, дал мне свой адрес. Через час мы с ним уже сидели за накрытым столом на кухне его небольшой квартир-ки и вспоминали былое.

– А я тебя сразу узнал по «еврейскому погрому», – хохотал толстый, лысый и борода-тый Маргулис. – Только ты мог сказать такую хохму.

В этом он был прав. Во времена нашей с ним студенческой дружбы мы часто бывали у его бабушки Руфины Соломоновны, которая безумно его любила и щедро снабжала день-гами из своей скромной пенсии. Руфина Соломоновна в свое время пережила петлюровские погромы евреев на Украине и навсегда сохранила патологический страх перед насилием. Приходя к бабушке, Маргулис всегда оглушительно барабанил кулаками в дверь и, когда старушка испуганно спрашивала: «Кто это?», Маргулис грозно картавил на весь подъезд:

– Евгеи тут живут?

– Тут, – обреченно подтверждала Руфина Соломоновна и внук радостно орал:

– Открывайте, евгейский погром!

Маргулис вообще был интересным человеком. Так, он любил кататься на велосипеде по огромной бывшей коммунальной квартире, где он проживал со своими родителями, совершенно голым, шокируя родных и знакомых. Был у него и еще ряд интересных причуд. Вместе с тем, я знал, что за внешней эксцентричностью скрывался умный, смелый и надеж-ный человек, на которого можно положиться в трудный момент.

Чокаясь со мной хрустальной рюмкой с водкой и неторопливо жуя нехитрую закусь, Маргулис рассказывал мне про свое житье-бытье в Питере.

– Знаешь Сергей, я за последние пятнадцать лет стал совсем другим человеком. Кто я был раньше, в «совке»? Молодым специалистом с пожизненной зарплатой в сто два-дцать рублей. Да, как в песне: «...и Родина щедро поила меня березовым соком»... Я был евреем, с туманной перспективой когда-нибудь уехать в Израиль. Тогда мне казалось, что все настолько безнадежно стабильно, что ничто не может изменить, так сказать предначертан-ный партией, ход моей жизни. Я задыхался в той атмосфере, но я не был борцом и не соби-рался что-то менять. Лишь бы меня не трогали. Но когда, как тогда писали в газетах, над страной задули рыночные ветры, все резко изменилось. Чем я только не занимался за эти годы! Чтоб я так жил, как я работал, Серега. Таксовал на своей машине, работал продавцом в продуктовом киоске, потом уже сам торговал овощами и фруктами на базаре, занимался продажей собственных рецептов похудения, был начальником народной дружины, пытался стать депутатом, работал сторожем в школе, охранником в частном агентстве, открывал и закрывал фирмы и Бог знает, чем еще я занимался. Словом, бился как рыба об асфальт! Такой опыт выживания приобрел, что теперь ничего не боюсь и ни на что не надеюсь. Денег не нажил, так сказать, по трусам текло, а в рот не попало. Женился и развелся. Ну, и слава богу. Но зато теперь я знаю причину всех наших несчастий. Она проста – мы просто не любим друг друга. Посмотри на другие нации, народы, народности и племена. Они всегда делят людей на своих и чужих и за своих горой. Это есть способ выживания в этом мире, Сережа. А мы? Мы не чувствуем между собой никакой общности.

– Женя, кто «мы»? Ты, например, еврей, а я нет. Растолкуй, о какой общности между нами ты говоришь?

– Сережа, я тебя умоляю! Не изображай из себя идиота. Все жители этой страны явля-ются русскими. Правильно замечено, что «русский» – это ведь прилагательное. И все мы – русские славяне, русские евреи, русские татары, русские немцы, русские эскимосы. Даже русские негры теперь есть. Но все мы ищем в нас не общее, а разное. Все стараются найти и подчеркнуть то, что нас разделяет, вместо того, чтобы искать и подчеркивать то, что нас объединяет. Я не чувствую никакого унижения оттого, что кто-нибудь назовет меня русским.

Да, я – русский еврей и никуда от этого не деться. Ведь посмотри на какого-нибудь ярого ваххабита из Чечни. Это же наш человек, с нашим совковым менталитетом. Все его поведение доказывает, что он такой же, как мы. Нашему славному парню никогда не стать арабом, даже если он навсегда перестанет бриться, перестанет пить водку и есть сало на людях. Ведь образцом поведения у него в подсознание заложены скорее Чапаев и Штирлиц, чем Шамиль или Салах ад-Дин-победитель крестоносцев. Но гордый сын гор ни за что не признает, что почти все знания о жизни он получает через русскую культуру, так как живет он в России, а не в Турции. И нельзя винить этого беднягу – ему везде твердят о различиях и нигде не говорят об общем, что нас объединяет и делает похожими, а в глазах иностранцев даже одинаковыми. В общем, Сережа, – «Сара, я фигейо в этом дилижансе!»

– Ты лучше расскажи, чем сейчас занимаешься, – перебил я севшего на любимого конька Маргулиса. Сколько я его знал, он всегда любил, растекаясь мыслью по древу, поговорить о глобальных проблемах бытия. Мне же в данный момент важнее были проблемы не столь глобальные, то есть мои личные.

– О, у меня теперь редкая и нужная профессия. Я кормлю кошек в Эрмитаже.

– Каких еще кошек?

– Представь себе, самых обычных барсиков и мурок. Понимаешь, для борьбы с грызунами в Эрмитаже держат полсотни кошек и моя обязанность их регулярно кормить.

– Да, чудны дела твои Господи, – пробормотал я. Маргулис продолжал удивлять меня крутыми поворотами своей судьбы.

Когда стол изрядно опустел и паузы в нашем разговоре значительно увеличились, я попросил Маргулиса о помощи.

– Слушай Женья, у меня появились кое-какие проблемы. Сейчас я не могу тебе ничего сказать, многое мне самому пока неясно. Мне нужно, чтобы ты завтра сходил в одно местечко и получил для меня пакет. Сделаешь?

– Надеюсь, что в этом пакете не бомба? – рассмеялся захмелевший Маргулис. – Конечно, сделаю...

4

Утро следующего дня встретило меня хмурым небом, резким ветром с Финского залива и холодным морозящим дождем. Впрочем, на что еще можно было рассчитывать в осеннем Петербурге? Наскоро позавтракав, Маргулис убежал кормить своих кошек, а я после обязательной тренировки решил прогуляться по городу, в котором в свое время провел немало времени.

Купив, первым делом, зонт, я неторопливо пошел по Невскому, разглядывая фасады, отремонтированных к трехсотлетию города, зданий, витрины новых роскошных магазинов, и, с удовольствием, вслушиваясь в забавный питерский говор, окружавшей меня толпы. Много изменилось с тех пор, когда я был здесь в последний раз. Признаки разрухи и нищеты, которые бросались в глаза в начале девяностых исчезли. Центр города сверкал яркими огнями, у витрин с сувенирами толпились туристы, беспечно смеялись стайки тонконогих модных девочек, по гладким дорогам катили блестящие иномарки. Вполне западный благополучный город. Конечно, если не обращать внимания на профессиональных нищих просивших подаяние на каждом углу и стаи звероватого вида бомжей, деловито собиравших брошенные бутылки на не по-европейски заплеванных тротуарах. По численности своих рядов бомжуазия явно превосходила буржуазию.

Главным достижением моей прогулки стал не зонт, а тот факт, что никто не интересовался моей скромной персоной. Посетив за три часа все мало-мальски людные места в центре города, я не заметил ничего подозрительного. Волос из косматой бороды моего друга,

который я, уходя, оставил в замке, также был на месте. Значит, и здесь все было чисто. Вскоре с работы вернулся Маргулис. Я дал ему адрес, по которому находились нужные мне документы, и подробно проинструктировал его, что он должен делать.

– Придешь, спросишь Эльзу Романовну. Скажешь ей, что тебя прислал Геннадий за пакетом. Заберешь пакет и с ближайшего телефона-автомата позвонишь мне...

– Я могу тебе позвонить с сотового, – перебил меня Маргулис.

– ...с ближайшего телефона-автомата позвонишь мне и скажешь, что увидимся завтра в три у Лавры, – терпеливо продолжал я.

– Так я этот пакет буду у себя держать до завтра? – удивился мой друг.

– Нет. Это будет означать, что у тебя все в порядке и через час после твоего звонка мы встречаемся у Эрмитажа. Там ты мне покажешь своих кошек и заодно отдашь пакет. После этого я покину Питер в неизвестном направлении.

– Ну вот, а я думал, что ты еще у меня поживешь, – расстроился Маргулис. – Думал, еще посидим, потом съездим туда-сюда, погуляем...

– Нет, брат, не могу. Чувствую, что не стоит мне здесь задерживаться.

– Ну ладно, тебе лучше знать. Рыба ищет где глубже, а человек – где рыба, – глубоко-мысленно заключил Маргулис и ушел.

Пока все складывалось удачно. Если мой посыльный застанет Эльзу дома, то через несколько часов под другим именем я уже буду лететь в южном направлении. Ах, Одесса, жемчужина у моря! Ищите тогда меня, Александр Александрович, или как вас там... Только бы Эльза была дома.

Мои размышления прервал резкий звонок в прихожей. Дверного глазка у моего друга, к сожалению, не было, поэтому я просто спросил дверь:

– Кто там?

– Энергосбыт. Проверяем показания счетчика.

В кинофильмах разные темные личности или милиционеры, для того чтобы попасть в нужную квартиру, всегда говорят, что вам доставлена телеграмма. А вот ко мне пришел Энергосбыт. Ну что же, организация серьезная, придется открыть. Правда, проявить гостеприимство я не успел. Едва только щелкнул замок, дверь резко распахнулась от энергичного толчка, и я с трудом успел от нее увернуться. В прихожую ворвались двое молодых людей. Вряд ли в Энергосбыте работают такие энтузиасты своего дела, что готовы вышибить двери, чтобы только узнать показания счетчика. Молодые люди тут же подтвердили мои сомнения.

– Милиция! Сейчас вы поедете с нами, – решительно заявил один из них, показывая мне удостоверение. Другой в это время попытался зайти мне за спину.

– А в чем собственно дело? – задал я классический вопрос, отступая от нападающего противника в комнату.

– Гражданин Васильев, у нас к вам есть ряд вопросов. Для вас же будет лучше, если вы спокойно пройдете с нами, – сурово сказал человек с удостоверением.

В этот момент, его напарник, который вероятно решил ускорить события, вытащил одной рукой пистолет, а другой достал из кармана наручники. Тем самым он совершил ошибку. Вид оружия, направленного на меня, автоматически включил в действие, запрограммированный много лет назад стариком Исао, и, отлаженный в различных учебных спеццентрах, механизм выживания. Начали! Я мгновенно прижался к стене, уходя с линии огня и одновременно нанося удар ребром ладони в сонную артерию противника. Другой мой оппонент пока для меня опасности не представлял, так как вряд ли он был левшой, а его правая рука все еще была занята удостоверением. Развернувшись, резким толчком плеча, я отправил потерявшего сознание оперативника в туалет и зацепил ногой стул, стоящий у стены создавая тем самым небольшую преграду между мной и вторым противником, который уже осознал, что происходит, и судорожно пытался достать свое оружие из кобуры под

мышкой. Времени на это я ему не дал. Под грохот упавшего тела, доносящийся из туалета, я подхватил с пола стул и прижал им руку противника с пистолетом к его же груди. Он машинально схватился свободной рукой за надоедливый стул. В этот момент я отпустил стул и резкой подсечкой отправил своего врага на пол. Его голова с глухим стуком ударилась о стену узкого коридора, и он на время затих. В темпе я подскочил к двери и прижался к стене сбоку от нее. В дверь влетел еще один молодой человек, видимо предусмотрительно оставленный в резерве. Я встретил резерв жестоким ударом сбоку ногой в пах, и он с разгона упал на колени. Оказавшись у незванного гостя за спиной, я использовал это обстоятельство в полной мере и нанес ему заключительный удар ладонью в затылок. Последний мой противник рухнул лицом вниз, я захлопнул дверь, и наступила тишина.

Теперь можно было перевести дух и оглядеться. Квартира Маргулиса выглядела как поле боя. Всюду лежали поверженные бойцы, оружие и разный мусор. Слышно было, как в туалете журчала вода из разбитого унитаза. Мне срочно нужно было решать, что делать дальше. Скоро мои противники начнут приходить в себя. Ребята они крепкие и долго валяться без дела не будут.

Обдумывая сложившуюся ситуацию, я быстро осмотрел карманы непрошенных гостей, включая и парня лежащего в туалете. Ничего неожиданного у них не оказалось. Судя по документам, это были оперативники из районного управления внутренних дел. Что им было нужно от меня? Неужели за ними стоит Александр Александрович? Или они пришли сюда по каким-то своим причинам? Но как они узнали, что я нахожусь здесь? Пока что все мои попытки исчезнуть не привели ни к чему. Неведомые силы словно смеялись надо мной. Вопросов в этой странной истории становилось все больше. Конечно, если бы я располагал временем, я бы, наверное, смог кое-что узнать у моих противников, устроив у Маргулиса гестаповский застенок, но времени у меня как раз и не было. Из удостоверения одного из поверженных бойцов выпала сложенная вчетверо бумажка. Я поднял ее с пола и, аккуратно развернув, прочитал:

«Розыскная ориентировка по Баринову С. И.

По ориентировке ФСБ РФ №8.722 от 20.05.199... г. активно разыскивается Баринов Сергей Иванович, он же Васильев Николай Васильевич, он же Витгенштейн Эрих Вальдемарович, он же Отт Гюнтер, он же Петерис Эвальд Карлович, возможны другие имена и фамилии, 1961 г. р., уроженец г. Санкт-Петербурга, по другим данным г. Магнитогорска Челябинской области, образование высшее.

После окончания средней школы, закончил Институт военных переводчиков в Москве, Симферопольскую диверсионно-разведывательную школу. Разведчик-боевик.

В период с 1985 по 1993 гг. участвовал в многочисленных операциях, проводившихся спецподразделениями Главного разведывательного управления и Внешней разведкой в различных регионах мира. В 1989 г. Баринову С. И. присвоено звание капитана. Имеет несколько правительственных наград. С 1993 г. уволен со службы и перешел на нелегальное положение.

В совершенстве владеет стрелковым и холодным оружием, приемами защиты и нападения. Представляет особую опасность при задержании!

Словесный портрет: рост – высокий; фигура – средняя; волосы – русые; лоб – широкий, покаты; глаза – серые; лицо – овальное; брови – дугообразные, широкие; нос – толстый, прямой, с горизонтальным основанием; плечи – горизонтальные.

Особые приметы: на левой ноге у щиколотки небольшой шрам.

Другие особенности: владеет несколькими иностранными языками: английским, немецким, испанским и др.; обладает незаурядными актерскими способностями, легко входит в доверие к окружающим; не курит, алкоголь употребляет в случае необходимости.

Необходимо принять самые активные меры к обнаружению и задержанию Баринова».

Так и не дождавшись звонка Маргулиса, я осторожно вышел на лестничную клетку и поднялся на последний этаж. На всякий случай я заранее осмотрел пути отхода и знал, что дверь на чердак не закрыта на замок. После короткого путешествия по крышам и чердакам, я вышел на улицу довольно далеко от квартиры моего друга и на ближайшей остановке вскочил в первый попавшийся троллейбус.

Проехав несколько остановок, я покинул гостеприимный общественный транспорт. Мне срочно нужно было найти телефон и позвонить Маргулису, пока и с ним не случилось чего-нибудь. К счастью, я запомнил номер его сотового и вскоре без труда дозвонился до него из автомата.

– Что случилось? – удивился Маргулис моему звонку.

– Женя, домой пока не ходи, там большой беспорядок, – предупредил я друга. – Встретимся в Пассаже через час, и будь, пожалуйста, осторожен.

– Понял. В Пассаже через час, – повторил Маргулис и отключился.

Час, оставшийся у меня до встречи с другом, я провел, шатаюсь по залитым дождем улицам города на Неве. Обычная проверка показала, что слежки за мной нет, хотя в сложившихся обстоятельствах этот факт уже мало что значил. Отсутствие наблюдения не мешало моим преследователям отыскать меня в Петербурге на следующий же день после моего приезда. Конечно, как специалист, я знал, что существуют более хитрые способы контроля за людьми, чем шляющийся за тобой по пятам неприметный тип в темном пальто. Все-таки на дворе двадцать первый век и человечество напридумывало много всяких технических устройств, облегчающих поиск и обнаружение разных мутных личностей. Но пока, я не мог определить, каким образом мои неведомые противники постоянно оказывались у меня за спиной.

Быстро смеркалось. До встречи с Маргулисом времени оставалось в обрез, и я поспешил в сторону Пассажа, стараясь идти дворами через множество старых, темных и грязных проходов и арок, которыми изобилует эта часть города. Когда до цели оставалось уже совсем немного, меня охватило предчувствие беды. Я вдруг ясно почувствовал, что мне не нужно туда идти, что там меня ждет опасность. За прошедшие годы я привык доверять своей интуиции и решил изменить план, но не успел. Они оказались ближе, чем я думал.

Пройдя длинным узким проходом между двух глухих кирпичных стен, я свернул в темную, сырую арку. Мои глаза еще не успели привыкнуть к мраку, царившему там, как чьи-то сильные руки схватили меня одновременно с двух сторон. Последнее, что осталось у меня в памяти – в легких вдруг исчез воздух. Я инстинктивно попытался вдохнуть и потерял сознание.

5

Жарко. Очень хочется пить. Все тело ломит от усталости. Мы из последних сил бредем по выжженным солнцем холмам Восточной Анатолии. Мы – это я, мой сослуживец и друг Семен и проводник из отряда курдских партизан «Пеш-марга» товарищ Амер. Третий день нас планомерно загоняют в ловушку правительственные войска. Наш камуфляж песочного цвета давно потемнел от пота и покрылся солевыми разводами, кроссовки у всех почти развалились, продукты и вода кончились. Даже невозмутимый Амер явно пал духом. Хотя «Пеш-марга» и означает «заранее мертв», все же наш курд, как и мы, на тот свет не спешит. Поэтому, он неумоимо ведет нас, постоянно меняя направление, выискивая какую-нибудь тропинку, еще не перекрытую врагом, чтобы вырваться из этих страшных, безлюдных мест, где нас ждет плен или смерть.

К вечеру третьего дня мы укрылись в полуразвалившемся домике, одиноко стоящем на краю небольшой ложбины, лежащей между двух невысоких холмов. За ложбиной вид-

нелся редкий лесок из причудливо скрученных, постоянным в этой местности ветром, акаций. Наскоро пожевав каких-то корешков собранных по дороге Амером, мы с Семеном мгновенно заснули. Наш проводник устроился у дверей с оружием наготове и тоже задремал.

Проснулся я от того, что Амер резко взвел затвор автомата и занял в дверях позицию для стрельбы. Его тонкий слух горца раньше нас уловил опасность. Пока Семен осторожно выглядывал в окно, я посмотрел на часы: шесть двадцать пять утра по местному времени.

– Коммандос, человек десять, – тихо сказал Семен. – Идут в нашу сторону.

– Придется принимать бой, – ответил я. – Уходить уже поздно. Здесь мы тоже отсижеться не сможем. Они все равно осмотрят дом и найдут нас.

– Лучшая защита – это нападение, – согласился со мной Семен.

«А еще это – провал задания», – подумал я, занимая позицию у другого окна.

Группа фигур в оливковом обмундировании осторожно приближалась к нам. Подходя все ближе, они все более рассредоточивались, охватывая домик с трех сторон. С четвертой стороны стену строения закрывал склон холма.

– Внимание, – сказал я своим товарищам на своем плохом турецком, чтобы меня поняли сразу оба. – По моей команде открываем огонь из автоматов, затем пытаемся добраться до леса. Сначала идем я и Семен. Амер, ты из дома прикрываешь нас. Затем, мы из леса прикрываем твой бросок к нам.

Амер кивнул в знак согласия и приготовился к стрельбе.

Наш внезапный огонь заставил коммандос мгновенно спрятаться за неровностями местности, но трое из них остались лежать на тропинке ведущей к домику. Еще один был ранен, судя по пронзительным воплям, раздававшимся откуда-то из-за камней. Однако уже через несколько секунд враги пришли в себя, сориентировались и открыли яростный ответный огонь. Мы слышали звук пуль, словно град бьющих в толстую глиняную стену. Несколько штук залетело внутрь нашей крепости. Я заметил, как одна из них царапнула Семена по щеке, но он, в горячке боя, даже не понял, что случилось, и только дернул головой, словно увертываясь от мухи. Бой продолжался уже несколько минут. Мы, не жалея патронов, пытались подавить огневые точки противника, подготавливая свой прорыв. Когда, мне показалось, что огонь коммандос несколько ослабел, я скомандовал:

– Гранаты к бою!

Амер и я швырнули по ручной гранате. Он – налево, я – направо. Под прикрытием разрывов гранат, поднявших тучу пыли и мелких камешков, мы с Семеном бросились к лесу.

От грохота стрельбы и взрывов мне заложило уши, и я бежал, немного опередив товарища, почти ничего уже не слыша. В этот момент я видел перед собой только редкие заросли, добравшись до которых можно было бы спастись.

Я напрягаю все свои силы, отчего пот течет у меня по лицу, по плечам, по спине, колет в боку и сердце грозит выскочить из груди, я задышаюсь, но все равно кажется, что бегу очень медленно, что время для меня почти остановилось. Все же желанные деревца постепенно становятся все ближе и вот, наконец, я вбегаю в их защитную тень, останавливаюсь и оборачиваюсь назад. Никого. Я больше не слышу стрельбы. Вокруг меня стоит абсолютная тишина. Ни человеческих голосов, ни шума листвы, ни пения птиц. Ничего. Я один. Грязный, мокрый от пота, все еще судорожно сжимающий в руках свой «Калашников» с пустой обоймой. Глухой и почти ослепший от напряжения. Я понимаю, что мои спутники погибли, что задание провалено и виноват в этом командир, то есть я. От этого мне становится еще хуже. Мне уже нечем дышать. Страшный жар охватывает меня, все начинает кружиться перед глазами и, в этот момент, я прихожу в себя. Сознание снова ко мне вернулось. Память тоже.

Нет больше Восточной Анатолии, погибших там много лет назад товарищей, избитого пулями глиняного домика и спасительного леса. Я лежу в кровати, стоящей посреди

какого-то помещения. Вокруг меня царит полумрак, в котором смутно угадываются очертания мебели.

Скосив глаза направо, я увидел небольшое окно, закрытое решеткой, через которое струился мягкий лунный свет, ложившийся длинными полосами на пол, покрытый светлым линолеумом. Налево от меня находится дверь. Возле нее на стуле не шевелясь, сидит человек, контуры тела которого едва заметны в густой тени. Я тоже не шевелюсь, хотя весь горю от жара и умираю от жажды. Моя постель вся пропитана потом. Воздух в помещении тяжелый, застоявшийся. Ясно, что прошло немало времени с тех пор, когда здесь проветривали в последний раз.

Человек у двери внезапно тяжело вздыхает и, пошевелившись, снова неподвижно застывает на своем месте.

«Кто он? Врач? Охранник? Или то и другое вместе? – размышляю я, несмотря на свое плачевное состояние. – Ничего, бывало и хуже. Попробуем привести себя в относительный порядок».

Я нажимаю зубами несколько раз на кончик языка и вращаю языком, чтобы вызванной таким образом слюной хотя бы чуть-чуть утолить жажду. Затем усилием воли расслабляю все мышцы вплоть до самых мелких и заставляю себя представить, что я лежу на прохладном песке у самой воды. Надо мной бездонное голубое небо. Легкий ветерок овеивает меня. Холодные волны ласково окатывают меня, освежая и бодря. Мое тело, постепенно подчиняясь мозгу, начинает действительно остывать. Температура спадает. Через некоторое время я спокойно засыпаю.

Когда я снова пришел в себя, было светло. За зарешеченным окном ярко светило солнце и весело посвистывали птицы. Чувствовал я себя гораздо лучше, чем накануне. Судя по всему, действие наркотика, которым меня накачали, значительно ослабело. Жара уже не было, осталась только сильная жажда. Я осторожно огляделся вокруг. Светлая, довольно просторная комната. Типичная больничная палата. Кроме моей кровати, в ней находилась еще одна, не занятая. У кроватей стоят тумбочки, под кроватями утки, у окна шкаф, возле стены какие-то медицинские приборы. У двери на стуле сидит огромный человек и, скрестив на груди здоровенные руки, молча сверлит меня взглядом. Я тоже на всякий случай помалкиваю. Через некоторое время Человек-гора достает из нагрудного кармана рубашки телефон и набирает номер. Не сводя с меня глаз, он тихо говорит в телефон короткую фразу, которую я не могу расслышать. Вскоре в помещение входит целая компания.

Пожилой человек в белом халате, зашедший первым, явно является врачом. Из-за его плеча выглядывает квадратное усатое лицо, владелец которого, судя по всему, относится к правоохранительным органам. За усатым идут еще два каких-то тощих типа и, наконец, замыкает всю процессию Человек-гора, вставший со своего стула и загородивший собой дверь в палату. Сразу стало тесно и неудобно.

– Ну что, голубчик, как вы себя чувствуете? – задал врач традиционный вопрос, одновременно щупая мне пульс, осматривая зрачки и проводя другие положенные в таких случаях манипуляции.

– Хочу пить, а в остальном – все хорошо, все хорошо..., – ответил я ему хриплым голосом.

– Ну и прекрасно, голубчик, – обрадовался Айболит и, подав мне стакан воды, уступил место усатому.

Тот сюсюкать со мной не стал и сразу взял быка за рога.

– Гражданин Васильев Николай Васильевич, вы задержаны за нападение на сотрудников уголовного розыска. Я – следователь Гадульянов Роберт Валеевич. Сейчас вы встанете, оденетесь и пройдете с нами.

Тощие типы бросили мне мою одежду, естественно предварительно тщательно проверенную, а когда я оделся, Человек-гора, так и не сказав ни слова, заковал меня в наручники и повел к выходу.

6

И вот я все еще в Санкт-Петербурге, правда на этот раз помимо своей воли. Вместо жилища моего друга Маргулиса меня приютил следственный изолятор №47/4. Он гостеприимно раскрыл передо мной свои тяжелые двери, когда под конвоем троих помощников следователя Гадульянова меня доставили сюда из больницы.

Отобрав у меня все, что положено отбирать у несчастных арестантов в таких заведениях, Человек-гора лично привел меня в одиночную камеру. Там он, все также молча, снял с меня наручники и с грохотом закрыл дверь. Ну вот, оставь надежду всяк сюда входящий!

Что бы отвлечься от неприятностей, случившихся за последнее время, я решил провести тренировку по полной программе, благо, что обстановка позволяла. В камере было тихо и спокойно. Как в библиотеке.

Сначала я проделал упражнения на концентрацию внимания. Потом выполнил серию дыхательных упражнений, подготавливающих организм к физическим нагрузкам. Я почувствовал как энергия, разлитая в пространстве, начинает мощными потоками концентрироваться внутри меня и наполнять мое тело силой. Сила, собранная во мне, сама заставила меня перейти к силовой гимнастической разминке. Выполняя упражнение за упражнением, я будто снова слышал слова старого Исао, часто говорившего мне их в детстве: «Запомни малыш – дух рассекает камни».

Через час после начала тренировки я был готов приступить к отработке боевых приемов. Начал я с ударов руками, потом ногами, потом к их комбинациям, стараясь, чтобы все удары шли по идеальной кривой выверенной до миллиметра долгими годами повторений. Известно, что боксеры прогрессируют лет до двадцати пяти, в лучшем случае до тридцати. Затем наступает спад. Как правило, после сорока теряется сила удара и ослабевают реакция. Так обстоят дела со спортсменами. Мастера же восточных боевых искусств фактически прогрессируют до самой смерти. В семьдесят и даже восемьдесят лет они достигают такой силы удара, которой никогда не бывает у более молодых бойцов. Секрет этого в культуре движений. Оттачивая десятки лет одни и те же движения, старые мастера добиваются необычайной скорости и силы удара за счет правильного использования необходимых только для этого движения мышц, концентрации их в конечной точке, использования специальных видов дыхания.

После тренировки боевых приемов рукопашного боя, я перешел к упражнениям, развивающим гибкость суставов. Традиционная восточная медицина насчитала в организме человека триста шестьдесят пять суставов. Важность гибкости тела понимал еще китаец Лао-цзы в пятом веке до нашей эры. Он писал, что «все существа и растения при своем рождении нежные и слабые, а при гибели сухие и гнилые. Твердое и крепкое – это то, что погибает, а нежное и слабое – это то, что начинает жить». Дедушка Исай придавал разработке суставов огромное значение и помногу часов мучил меня разными видами растяжек, шпагатов и прогибов.

Несмотря на то, что размеры камеры не позволяли мне повторить большинство приемов боевой акробатики, кое-что из арсенала Черного Леопарда я все же сумел исполнить и в этих тесных стенах.

Тренировка закончилась массажем для укрепления и закали тела. После такой хорошей разминки я находился в состоянии, когда чувствуешь себя всемогущим. Именно в этом

состоянии самураи вели «синкэнсёбу-но-ката» – войну не на жизнь, а на смерть. Чтобы выйти из этого состояния я проделал ряд дыхательных упражнений для расслабления.

Так я с пользой провел несколько часов. Никто ко мне не заглядывал, никто не стучал в стену из соседних камер. Мне оставалось только ждать дальнейшего развития событий. Вечером я скромно поужинал пшенной кашей с куском хлеба и кружкой чая на десерт, которые мне принес охранник. Принимая во внимание место действия и обстоятельства, еда была вполне приличной. После ужина я решил, что утро вечера мудренее и лег спать, надеясь, что утро принесет что-нибудь новенькое и интересное.

Однако утром ничего особенного не произошло. Меня опять покормили и оставили одного. Возможно, мои неизвестные противники хотели испытать меня на психологическую устойчивость, держа в неведении и обрекая на бездеятельность. Однако я спокойно ждал, что будет дальше, понимая, что раз вокруг меня идет какая-то хитрая игра, рано или поздно я обо всем узнаю. Умением ждать я давно овладел в совершенстве и поэтому зря не напрягался.

На третий день, видимо решив, что они достаточно меня помучили, мои противники перешли к активным действиям. Едва охранник унес посуду после завтрака, как в замке загремел ключ, дверь отворилась, и на пороге камеры появился уже знакомый мне Александр Александрович. Он по-прежнему грозно хмурил брови и выглядел еще менее дружелюбно, чем при нашей первой встрече.

– Приятно видеть хоть одно знакомое лицо в этой юдоли скорби, – приветствовал я его.

– Вы все ерничаете Баринов, – сердито ответил мне Александр Александрович, – а ведь на вашем месте нужно вести себя поскромнее. Я ведь обещал, что мы с вами еще встретимся. Как видите, я свое обещание сдержал. Теперь надеюсь, что ваши дела не помешают нам наконец-то серьезно и обстоятельно поговорить. От этого разговора будет зависеть не только ваша дальнейшая судьба, но и возможно даже жизнь.

– Звучит интригующе, – ответил я, устраиваясь поудобнее на нарах. – Ну, хорошо, раз уж вы так настаиваете, давайте поговорим.

– Я не собираюсь вас интриговать, Баринов. Выслушайте меня внимательно и не перебивайте. Если будут вопросы, задайте их потом. Так вот. Вы, конечно, ломаете голову, что же происходит с вами в последнее время. Ответ очень простой. Как я уже вам говорил, пришло время оказать нам небольшую услугу. Нам – это очень серьезной организации, которая обязана заботиться о безопасности нашей страны. Конкретнее вам знать, по крайней мере пока, не обязательно. Почему вы? Потому, что вы идеально подходите для выполнения одного довольно сложного задания. Учитывая вашу специальную подготовку и предыдущий опыт, мое руководство остановило выбор на вас. Вы, разумеется, можете отказаться. Однако я должен предупредить, что при таком варианте, мы передаем вас в руки следователя Гадульянова и вы получаете, с его легкой руки, довольно большой срок за нападение на работников милиции при исполнении ими своих служебных обязанностей. По статье триста семнадцатой Уголовного кодекса Российской Федерации за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа вам, Баринов, грозит от двенадцати до двадцати лет, а то и пожизненное. Вы ведь тех ребят довольно прилично поколотили? Они, конечно, сами отчасти виноваты. Их ведь предупредили, чтобы они были с вами предельно осторожны, но видимо они отнеслись к нашему предупреждению недостаточно серьезно. В общем, об итоге той квартирной бойни вы, наверное, сами догадываетесь. Состояние всех участников схватки, кроме конечно вас, довольно тяжелое и на больничных койках они проведут еще много времени. Но вам-то радоваться тоже нечему. Кто-то за этот беспредел должен ответить. Роберт Валеевич очень хочет познакомиться с вами поближе. Просто горит энтузиазмом. Однако есть и другой вариант развития событий. Если вы, Баринов, добровольно соглашаетесь выполнить наше поручение, то можно и забыть об инциденте в квартире вашего друга. Вы выполняете наше задание и после этого, можете вернуться на службу в органы,

а если не желаете, то отправляйтесь на все четыре стороны с новыми документами. Я обещаю, что вы нас больше интересоваться не будете. Конечно, вы хотите узнать, о каком задании идет речь. Но я смогу конкретизировать только после вашего согласия. Иначе, как вы понимаете, нет смысла обсуждать это. Ну что, Баринов, есть у вас вопросы?

– Как вы смогли меня найти? В Москве и в Питере? – спросил я, в общем-то, не надеясь на правдивый ответ.

– Пусть это вас не волнует. Как я уже говорил, такие специалисты как вы на особом учете. Пока вы не понадобились, мы позволили вам немного погулять, но теперь ваше время пришло. Надеюсь, вы поняли, что от нас скрываться бесполезно. Мы вас найдем везде, даже на другом конце Земли. Собственно выбора у вас, Баринов, нет. Если вы не полный дурак, соглашайтесь. Выполните задание и, так сказать, с чистой совестью, на свободу. Нет – тогда сгниете в тюрьме или урки раньше зарежут. Вас ведь посадят в обычную зону, а не в специальную, для ментов. Публика там, сами понимаете... Никакое ваше каратэ не поможет.

Все это время, пока Александр Александрович меня страшил, я думал о том, что вся эта история пахнет все хуже и хуже. Такой откровенный прессинг со стороны моего визави говорил о том, что задание мне предлагается, скорее всего, малоинтеллигентное. Что-нибудь связанное с кровью и криминалом. И вряд ли я выберусь живым из этой переделки, чтобы там не обещал сейчас Александр Александрович. Роль, отведенная мне какими-то солидными дядями, называется просто – одноразовый исполнитель. Так как я больше не являюсь сотрудником государственной организации, то меня можно использовать и убрать. Для таких, как мой собеседник, я – просто дезертир, предатель, и гожусь теперь только для того, чтобы послужить маленьким колесиком в каких-то важных делах.

– А какие у меня гарантии, что, выполнив выше таинственное задание, я не окажусь в сырой могиле, на которой вы станцуете под грустную музыку похоронную лезгинку? – продолжаю я выводить из себя Александра Александровича своим легкомысленным отношением к нему и к его предложению.

– Вы находитесь не в том положении, чтобы требовать гарантий, Баринов. Мое руководство считает, что более целесообразно будет использовать вас и дальше. С вашего согласия разумеется. Вот и все гарантии. Постараетесь, как следует, выполнить порученное – останетесь живы, здоровы и на свободе. Но все это будет зависеть только от вас.

Александр Александрович замолкает и не торопясь, закуривает, вопросительно глядя на меня. Тон, которым он ведет разговор, уверенные движения, вся его мощная фигура ясно выражают убежденность в том, что для него мое согласие только пустая формальность. Еще идя на встречу со мной, он точно знал, что я буду делать то, что мне прикажут, так как деваться мне теперь некуда. Что ж, жаль его разочаровывать, но придется. Пора и мне поговорить серьезно.

– Ну что же, Александр Александрович, я вас выслушал. Теперь внимательно послушайте меня. Наберитесь терпения и дайте мне кое-что объяснить. Возможно, когда-то мы с вами были коллегами и работали в одной конторе и делали общее дело. Нас, наверное, одинаково воспитывали на светлых идеалах; учили, что жить надо ради великой цели, ради народа, ради страны. Во имя этого, если понадобится, можно отдать жизнь. Настоящий человек – тот, для кого общественное благо выше личного. Так нас учили в детстве учителя, а потом руководители. И мы с вами в это верили. Верили и служили своему народу. Не жалели сил и здоровья, а иногда рисковали жизнью. Обманывали и убивали, но обманывали и убивали врагов нашей родины. Враги нашей родины были низкие и продажные, неспособные на подвиг. А еще нас учили, что руководят нами мудрые и честные люди, которые своим умом и заслугами добились права управлять нами. И вот под руководством мудрых и честных мы создали великую державу, которую уважает и которой восхищается весь мир. И живут в этой великой державе разные народы, которые добровольно объединились

в единую семью и теперь счастливы вместе. А другие народы, которым не повезло, завидуют нам и мечтают когда-нибудь стать частью нашей великой державы. И я в это верил и хотел принести моей стране как можно больше пользы. Однако с течением времени я стал замечать разницу между тем, чему нас учили и тем, что я видел и слышал сам. С возрастом и опытом я понял, что все, что нам внушают просто ложь. Всего-навсего выдумка. Школьный учебник по истории нашей страны – просто сборник мифов и сказок. Все было совсем не так как там написано, а как – никто уже и не помнит. И не самые мы умные, чтобы учить весь мир как жить, и наш замечательный язык совсем не так богат, красив и благозвучен, как нам говорили в школе. И гордое имя нашей столицы для не нашего уха звучит как кваканье. Просто об этом говорить неприлично. И руководят нами не мудрые и честные, а хитрые и беспринципные. Многие народы нашей страны ненавидят друг друга, а в других странах люди боятся нас, борются против нас и даже совершают подвиги в этой борьбе. Вскоре наша великая держава под чутким руководством мудрых и честных развалилась. Когда пришло время хватать, кто что успеет и сможет, то оказалось, что люди, которые руководили нами, оказались просто жадными ворами. Во всех без исключения государственных структурах руководители бросились обогащаться, грабить собственный народ, своих собственных родителей. Все вокруг народное, все вокруг мое. Было народное, стало мое. Государство, которое построили воры, в принципе не может быть справедливым. Вы, Александр Александрович, можете сколько угодно делать вид, что служите народу, но кто вам отдает приказы? Люди, которые за последние десять лет стали обладателями огромных состояний. Теперь им надо сохранить и приумножить свои состояния и на службу этой «высокой» цели поставлена вся государственная машина. В том числе и ваша организация. Что касается меня, то я с некоторых пор решил больше не иметь ничего общего с вашим государством, Александр Александрович. Решайте ваши проблемы без меня.

Все то время, пока я говорил, мой собеседник спокойно курил сигарету, время от времени окидывая меня внимательным взглядом. Когда я закончил и сел на нары, он вынул сигарету изо рта, кинул ее в железную банку с водой, стоящую на столе и усмехнулся.

– Вам не к лицу, Барин, образ Чайльд-Гарольда. Ах, на празднике жизни не нашлось места такому аристократу духа как вы! Ах, вы обиделись! Поймите же, что есть реальная жизнь. Что бы ни происходило в нашей стране, нужно работать, менять что-то к лучшему. Страну по-прежнему нужно защищать. Мне тоже многое не нравится, но в отличие от вас я не дезертирую, не бегу от трудностей. Я и мои товарищи продолжают честно делать свое дело. Впрочем, у меня нет времени и желания дискутировать с вами. Мне пора идти. Я все-таки дам вам еще немного времени подумать. Надеюсь, что у вас хватит здравого смысла принять мое предложение.

После этих слов Александр Александрович небрежно кивнул мне и, не оглядываясь, вышел из камеры.

7

Времени подумать, как обещал Александр Александрович, мне не дали. Вскоре после его ухода, два охранника вывели меня из камеры и куда-то повели. После непродолжительного перехода по унылым коридорам следственного изолятора, мы остановились возле другой камеры.

– Здесь тебе скучать не дадут, – недобро улыбаясь, сказал один из сопровождающих, пока другой возился с дверью.

Справившись с замком, охранник открыл камеру и толкнул меня внутрь. Дверь за моей спиной закрылась. Я остановился на пороге и огляделся. Это помещение было побольше моего прежнего жилья. Двухъярусные железные кровати на восемь человек,

но заняты только шесть. Посредине камеры стол, за ним сидят трое и смотрят на меня. Еще двое сидят на нижней кровати и играют в нарды, один спит наверху.

– Здравствуйте, – скромно говорю я и жду, что будет дальше. Ведь не случайно меня перевели на новое место. Значит кем-то так задумано и меня ждут какие-то сюрпризы. И наверняка неприятные.

– Ну что стоишь, проходи сюда «ботаник», – не слишком любезно приветствовал меня мужчина сидящий за столом в окружении своих сподвижников. Сподвижники своими габаритами напоминали шкафы для одежды, а говоривший со мной – покрытого татуировками слона.

Я молча подошел к столу. Игравшие в нарды прекратили игру и тоже стали разглядывать меня. «Слон» презрительно произнес:

– Я – Колючий, смотрящий. Мое слово для тебя закон. Твое место вон там, у двери. Разговор с тобой еще у меня будет, а пока ляг на нары и зачехни. Сейчас я занят.

Колючий повернулся к одному из «шкафов» и перестал обращать на меня внимание. Ну что же, я занял указанные мне столь нелюбезно нары и на время зачих. Хотя я и не специалист по тюремным законам, я все же понял, что то, как меня встретили, не соответствует обычным порядкам. Демонстративная грубость Колючего – сигнал опасности для меня. Судя по всему, меня сунули в обычную пресс-хату, каковая имеется почти в каждом нашем пенитенциарном заведении. В них собирают особей, которые по заказу администрации ломают неломющихся.

Пока мои сокамерники занимались своими делами, я, лежа на жесткой постели, обдумывал складывающуюся ситуацию. Меня поместили в пресс-хату, чтобы поставить в безвыходное положение. Здесь или меня убьют граждане бандиты, или я убью кого-нибудь из них. Таким нехитрым образом, я намотаю себе еще один срок, и меня можно будет держать в тюрьме до скончания дней. Навсегда лишиться свободы мне не хотелось. Позволить себя забить до смерти тоже не вариант. Ну что же, эту партию мои противники, похоже, выиграли. Придется пока признать свое поражение и заново расставить фигуры для новой партии. А сейчас сыграем по их правилам. Я лег поудобнее, расслабился и, пользуясь предоставленной возможностью, начал готовиться к тому, что мне предстояло скоро сделать.

В каждом человеке дремлет потенциальный убийца, и восточные мудрецы издавна знали как разбудить этого убийцу. Современная наука своими путями также пришла к этому знанию. Сегодня существует много методик подготовки идеальных бойцов, которые используют различные спецслужбы. С помощью нейролингвистического программирования, а проще говоря, гипноза или самогипноза в подсознание бойца загоняется образ идеального воина, например какого-то хищного животного, которому боец будет следовать в поединке. Это может быть также образ киногероя, всегда побеждающего врагов на экране или какого-то исторического персонажа. Главное, чтобы для бойца он олицетворял образец воинского умения и непобедимости. В результате специальных упражнений этот идеальный образ сливается с личностью самого бойца. Таким образом, боец становится идеальным воином, абсолютным оружием. В нужный момент, с помощью кодовых слов и жестов боец вызывает к жизни этого идеального воина. Конечно, такое программирование не может заменить развитого тела и натренированной техники, но оно увеличивает скорость, силу и реакцию в бою, а также выключает из сознания страх, жалость и нерешительность. Такой боец не чувствует боли и его можно остановить только серьезно ранив или убив. Упражнения на развитие физических качеств и отработка приемов борьбы без оружия и с оружием всегда составляли только половину подготовки настоящего воина во всех школах боевых искусств Китая, Японии, Кореи, Вьетнама. Вторая половина, причем самая важная и самая секретная, состояла из психотехники. Только благодаря искусственно измененной психике восточный воин мог сражаться вслепую, с завязанными глазами, безмятежно выходить один

против целой армии не испытывая ни малейшего страха и слагать изысканные стихи перед обрядом ритуального самоубийства – сэппуку.

Такэда Исао владел всеми секретами психотехники древней самурайской школы Черного Леопарда и потратил много времени и труда, чтобы передать их мне. Мною самым был выбран тот образ, который олицетворял то, от чего никому нет спасения, и этот образ был навсегда поселен в моем сознании. Обычно для победы мне достаточно было моих естественных возможностей – силы, ловкости и знания приемов, но иногда, в критических ситуациях, я призывал на помощь этот страшный образ и превращался в Ангела Смерти.

– Эй, Муха! Разбуди этого полупидора в полукедах, пора его «делать», – услышал я команду Колючего и открыл глаза.

Надо мной склонился один из игравших в нарды и тряхнул за плечо.

– Иди к смотрящему, «ботаник», – сказал он мне, довольно дружелюбно.

Я встал, сжал руки в кулаки и произнес про себя свое кодовое слово – «рррраха!». В течение какой-то секунды я – скромный интеллигентный человек, преподаватель иностранных языков, «ботаник», исчез. Вместо меня появился мой двойник – беспощадный Ангел Смерти. Все мои чувства обострились до предела. Воздух вокруг меня стал прозрачным и плотным; свет – ярким. Я мог разглядеть пылинку, лежащую на полу в трех метрах от меня. Звуки стали звучать отдельно, очень ясно, не сливаясь в общий шум. Тело наполнилось такой энергией и силой, что казалось, я мог бы кулаком легко пробить толстую каменную стену. Окружающие меня люди превратились в слабые мягкие куклы, которые медленно и неуклюже шевелились. Я понял, что они обречены и их уже ничто не спасет от Ангела Смерти, который пришел сюда забрать их жизни. Впрочем, внешне я нисколько не изменился, потому что Муха ничего не заметил и слегка подтолкнул меня к столу, из-за которого навстречу поднялся Колючий. Молниеносным ударом ребром ладони в шею ниже уха я отправил Муху на пол камеры.

– Каблук! Локатор! Мочи гада! – услышал я рев Колючего.

Два тяжеловеса выскочили из-за стола и кинулись на меня. Но прежде чем они успели до меня добраться, я уже был возле смотрящего. Он неуклюже попытался схватить меня за ворот, но я был быстрее. Основаниями ладоней я ударил его в глазные впадины и тут же присев, нанес страшный удар кулаком в пах, вложив в удар, все свои девяносто пять килограммов. Не подымаясь, я развернулся на пятках и одним прыжком оказался на столе, сбоку от одного из здоровяков. Подхватив на ходу со стола чайную ложку, я вогнал ее ручкой вперед противнику в ухо. Хлынула кровь. Подпрыгнув, я избежал подсечки от второго тяжеловеса и приземлился на пол возле кровати, где еще недавно Муха с товарищем играли в нарды. Сейчас Муха неподвижно лежал на полу возле, корчащегося от боли, Колючего, а его партнер по нардам, впавший от неожиданности случившегося в ступор, сидел и, не мигая, смотрел расширенными от ужаса глазами на меня. Пока его можно было не опасаться.

– Неваляшка, проснись кореш! – звал тем временем мой уцелевший противник товарища, все еще спокойно спящего наверху.

Я решил атаковать здоровяка, пока к нему не прибыла помощь. Сблизившись на расстояние удара, я легко отбил его правую руку, которой он пытался достать меня в челюсть типичным боксерским кроссом. Противник поднял руки и ушел в глухую защиту, отступая от меня вдоль стола к стене. Я схватил кружку, стоявшую на столе и метнул ее в голову боксера. Кружка попала ему по рукам и содрала кожу. От удара он инстинктивно прижал руки плотнее к лицу и на какой-то момент потерял меня из вида. Стремительно сократив расстояние до здоровяка, я изо всех сил ударил его ногой в живот ниже пупка. Руки несчастного опустились, и он получил еще один удар – прямой в челюсть. Потеряв сознание и, бессильно раскинув руки в стороны, боксер рухнул на спину, ударившись головой о стену. В этот момент я почувствовал за спиной какое-то движение и легкую боль сзади в плече.

Крутнувшись вокруг своей оси, я перехватил руку еще одного противника, того, который до этого спал, а теперь проворно пытался меня убить. В его руке опасно блеснуло узкое лезвие заточки.

«Посмотрим, какой ты «Неваляшка», – мелькнуло у меня в голове. Резко упав на колени, я перебросил этого соню через себя и сломал ему руку. Раздавшийся вопль вывел, наконец, последнего боеспособного обитателя камеры из ступора и он бросился поднимать упавшую на пол заточку. Но я опять был быстрее. Не вставая на ноги, я перекатился по грязному окровавленному полу и, подобрав смертельное оружие, метнул его с колен в подбегающего врага. Заточка вошла ему точно в шею, под кадыком. Последний из моих противников захрипел и упал вниз лицом. Весь бой занял менее минуты. С пресс-хатой все было кончено.

8

Остаток этого бурно прожитого дня, я провел в штрафном изоляторе, куда был доставлен целым отрядом надзирателей. Ввалившись втроем в камеру сразу после окончания сражения, они сначала вызвали подкрепление, потом сковали меня по рукам и ногам и, на всякий случай, врезав мне несколько раз дубинками, почти отнесли на руках в шизо. Впрочем, принятые против меня меры безопасности были напрасны, так как никакого сопротивления я не оказывал.

Штрафной изолятор представлял собой узкий каменный мешок, в котором ничего не было кроме меня самого. В нем нельзя было ни сидеть, ни лежать, можно было только стоять или ходить. Замуровали дьяволы! Шагая вперед и назад по холодному бетону, я вдруг почувствовал, как меня все сильнее начинает бить крупная дрожь. Вдруг ослабевшие ноги перестали слушаться. Пальцы рук затряслись как у старого алкоголика. Впрочем, это была нормальная реакция организма на то, что не так давно случилось в пресс-хате. Чтобы отвлечься, я подумал о том, как такие условия содержания задержанных соответствуют нашей гуманной Конституции, в которой в части второй статьи двадцать первой говорится, что никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Несоответствие уголовно-исполнительного законодательства нашей Конституции до сих пор не привлекло внимание ни Конституционного суда, ни Федерального Собрания, ни Президента страны. Что касается меня, то я вообще незаконно содержался под стражей. Никаких следственных действий со мной не производили. Следователя, этого гада Ульянова Роберта Валеевича, я тоже больше не видел. Меня хотели сделать пешкой в чьей-то грязной игре, как часто пишут авторы детективных романов. И в данный момент, мне ничего не оставалось делать, как просто ждать, что будет дальше.

Плечо, раненное заточкой, немного болело, но кровь больше не текла. Все тело ныло после перенесенного напряжения и нескольких ударов дубинками. Я чувствовал сильную усталость, но больше всего дискомфорта испытывал от того, что был чертовски грязен после свалки в пресс-хате. Хотелось принять душ или хотя бы хорошенько умыться теплой водой с мылом и сменить одежду. Чтобы отвлечься, я, по примеру самураев прошлого, тоже попытался сложить изысканное стихотворение. Однако в голову почему-то все время лезли нравоучительные вирши с плаката в вытрезвителе, которые я видел много лет назад:

Напился, подрался, сломал деревцо.
Стыдно смотреть людям в лицо.

«И ничего не стыдно мне смотреть людям в лицо. И сломал я не деревцо, а шестерых подонков, и правильно сделал», – убеждал я себя. Мою беседу с самим собой прервал лязг открываемой двери.

Словно прочитав мои мысли, меня под сильным конвоем доставили в умывальную комнату. Там сняли наручники, дали мыло, полотенце и разрешили привести себя в порядок. Что я и сделал с большим удовольствием. Потом врач обработал мои раны и ссадины. Судя по всему, была уже глубокая ночь, когда меня доставили в какой-то кабинет, дали немного поесть и даже налили стакан сладкого чая. Все эти мероприятия были проведены охраной практически молча. Согласившись с таким стилем работы – молчаливая серьезность, я тоже вопросов не задавал и никакого удивления не выказывал.

После того, как поздний ужин был окончен, охранники убрали посуду со стола, и в кабинет вошла стройная женщина.

– Здравствуй, Сережа. Все шагаешь по трупам? – приветствовал меня знакомый мягкий голос.

Этот нежный голос принадлежал Леночке или, если по взрослому, Елене Николаевне Афанасьевой, бывшей моей коллеге. Лена всегда была, что называется, комсомолка, спортсменка и просто красавица. Высокая блондинка, с отличным знанием трех иностранных языков и мужской психологии. В свое время, поработав с ней, я понял, что, кроме привлекательной внешности, она обладает железным характером, изворотливым умом и огромным честолюбием. Прошедшие годы почти не отразились на внешности моей коллеги. Лена по-прежнему была подтянута и элегантна. Умело наложенная на лицо косметика скрывала первые морщинки у больших голубых глаз, которые сейчас смотрели на меня с легким любопытством.

– Привет, Лена. А что, есть жертвы? – удивился я, хотя и понимал, что было бы странно, если бы их не было.

– Трое в больнице на койках, двое в реанимации, один в морге, – с готовностью доложила красавица.

Я молча пожал плечами. На войне – как на войне.

– Пойми Сережа, после того, что ты натворил, я – твой последний шанс. Александр Александрович поручил мне в последний раз поговорить с тобой. Может быть, ты прислушаешься к голосу разума и перестанешь изображать героя-одиночку. Зачем тебе нужно ставить крест на своей жизни? Ведь не произошло ничего особенного. Тебя попросили оказать небольшую услугу старым товарищам. Небольшую, но важную. Только и всего. А ты, вместо того, чтобы помочь, начал играть в какие-то игры. Изображать из себя самурая-анархиста. Я никому не нужен и мне никто не нужен. Ты не ребенок и должен понимать, что тебе не позволят делать то, что ты хочешь. Так что, как говорится, расслабься и постарайся получить удовольствие.

Мягкий голос Лены звучал очень убедительно. Они знали, кого прислать меня уговаривать. Еще бы – обаятельная женщина с кандидатской диссертацией по психологии. А главное – когда-то эта хрупкая красавица спасла мне жизнь. Надо быть полной свиньей, чтобы забыть об этом и не откликнуться на ее просьбу о помощи. Старая проверенная тактика – Александр Александрович – кнут, а Лена – это разумеется пряник. Но я еще не сдавался.

– Послушай Лена. Все, что ты мне говоришь, вроде бы звучит разумно, но с моей точки зрения есть одно большое «но». Вопрос доверия. Я не верю, что после выполнения задания, меня отпустят.

Елена усмехнулась.

– А у тебя есть выбор Сережа? Пойми, наконец, что в сложившейся ситуации у тебя просто нет выбора. Поэтому, тебе нужно надеяться, что все будет так, как тебе обещал Алек-

сандр Александрович. Я, со своей стороны, могу подтвердить, что, если ты успешно справишься с работой, мы позаботимся о тебе.

Я понял, что пришло время соглашаться.

– Ладно, Лена, будем считать, что ты меня убедила. Нарасимхо Рао как-то сказал, что принять решение гораздо легче, если у тебя нет выбора. Можешь передать Александру Александровичу, что я снова в строю.

– Ну и правильно, – с едва заметным облегчением сказала Лена. – Сейчас тебя отведут куда-нибудь, где ты сможешь хорошенько отдохнуть, а завтра мы встретимся и приступим к делу.

Красавица улыбнулась мне на прощанье и вышла из кабинета. Вошедший конвой доставил меня на отдых в одиночную камеру. Уже без наручников. Оставшись, наконец, один, я лег на койку и решил встретиться со своим Внутренним Учителем. К счастью, встрече с Внутренним Учителем не могут помешать ни высокие стены, ни надежные запоры, ни бдительная охрана.

В глубине человеческой души спрятан источник знаний, которым большинство людей не умеет пользоваться. Память каждого человека содержит информацию абсолютно обо всем, что происходило с ним на протяжении всей его жизни, начиная с момента рождения и даже раньше. Все, что мы когда-либо видели, слышали, ощущали хранится в нас самих. Однако человек осознает не более одного процента того, что помнит его психика. Психика постоянно посылает разрозненные части этой спрятанной информации сознанию с помощью снов, интуиции, фантазии. Но, как правило, человек не обращает внимания на эти послания; не придает им большого значения. Для того, чтобы использовать этот источник знаний, на Востоке давным-давно была создана методика установления надежной связи сознания с бессознательной частью психики. Инструментом для установления этой связи является Внутренний Учитель. Внутренний Учитель – это образ какого-то авторитетного для нас человека. С ним можно вести беседу, задавать вопросы и получать на них ответы. На самом деле, Внутренний Учитель – это та часть нашей психики, которая знает все.

Удобно устроившись на кровати, я полностью расслабился с помощью аутогенной релаксации. Войдя в транс, я мысленно оказался в большом кабинете, отделанном дорогим темным деревом. Вдоль стен стояли шкафы полные книг в роскошных переплетах. Картины в резных рамах украшали стены комнаты. Все здесь говорило о достатке, уюте, безопасности, отдыхе. Я подошел к двери и открыл ее. За дверью начиналась лестница ведущая вверх. Неторопливо я начал подниматься по этой лестнице, ощущая, что идти мне приятно и легко. Где-то далеко наверху я увидел приближающееся ко мне голубое облако. Когда я внимательно пригляделся к нему, я увидел, что это человек небольшого роста, одетый в голубой шелковый халат. Я узнал этого человека. Такэда Исао, дедушка Исай. Он приветствовал меня поклоном и приветливо улыбнулся. Я тоже поклонился ему. Затем мы снова оказались в кабинете. Там меня опять охватило ощущение полного покоя и безопасности. Я подробно рассказал моему Учителю обо всем, что со мной случилось. Учитель молча слушал меня, глядя мне прямо в глаза, а когда я закончил, он тихо сказал: «Запомни малыш. Они обманут тебя».

9

Рано утром меня разбудил грохот открывающейся двери. Хотя конвоиры и не пожелали мне доброго утра, но все же я почувствовал, что отношение ко мне изменилось к лучшему. Без долгих разговоров мне вернули те мелочи, которые забрали три дня назад. Охранники передали меня уже знакомому Человеку-горе, который невозмутимо вывел меня с территории следственного изолятора и усадил в машину.

Здоровяк привез меня прямо на вокзал, где мы сели в «Красную стрелу» и заняли двухместное купе. Хотя я и не заметил других сопровождающих, они без сомнения были. Вряд ли мои новые шефы рискнули бы везти меня в Москву без надежной охраны. Поезд плавно тронулся. Ну что же. Прощай Петербург, здравствуй Москва!

Поездка прошла без происшествий. Мой попутчик так и не сказал мне почти ни слова, в основном обходясь жестами и мимикой. На протяжении всего нашего путешествия Человек-гора внимательно следил за каждым моим движением и пару раз сопровождал меня в туалет. Сам он видимо в этом полезном заведении не нуждался.

В Москве на Ленинградском вокзале нас встретила пара каких-то типов, которые, пожав руку моему сопровождающему, быстренько затолкали меня в «Волгу» с затонированными окнами и надели мне на глаза плотную повязку. Через два часа я оказался в одном из тех загородных коттеджей, которые как грибы во множестве выросли вокруг столицы за последние годы. В коттедже повязка была снята, и Человек-гора проводил меня на второй этаж в комнату для гостей.

– Руководство приедет после обеда. У вас есть время привести себя в порядок и отдохнуть с дороги, – проговорил молчун. Голос у здоровяка был под стать его богатырской внешности – низкий и густой. По русски он говорил с заметным украинским акцентом. – Душ находится за этой дверью. В шкафу белье и одежда вашего размера. В комнате есть все, что вам может понадобиться. Скоро принесут поесть.

Произнеся эту неслыханно длинную речь, мой провожатый оставил меня одного. Конечно, я воспользовался любезным предложением и хорошенько помылся. Потом, наконец, сменил свою грязную одежду, прошедшую вместе со мной больницы и тюрьмы города на Неве. Свежий, чисто выбритый, в новом костюме, найденном в шкафу, я почувствовал острый голод и отдал должное вскоре принесенному обеду.

«Жизнь-то налаживается», – сказал я себе, когда после сытной еды прилег на удобный диван. Почему-то вспомнилась та давняя история, из-за которой я стал должником Елены Афанасьевой.

Жаркий август 1992-го. Афганистан. Фанатики из Талибана ведут бои с остатками правительственных войск на окраинах Кабула. Мы с Леной прибыли в афганскую столицу из Пакистана немного раньше отрядов Талибана. Хотя мы находились в Кабуле по другим делам, нам дали указание содействовать эвакуации группы наших граждан. В основном, это были посольские работники, различные специалисты и члены их семей. Они собрались в нескольких помещениях кабульского аэродрома и ждали помощи. Откровенно говоря, в тот момент речь шла уже не об обычной эвакуации, а о срочном спасении людей.

Из России в Кабул были направлены самолеты с десантниками Псковской дивизии на борту. Главная проблема заключалась в том, что аэродром уже насквозь простреливался даже стрелковым оружием. Никакие аэродромные службы, конечно, уже не существовали и чтобы наши огромные транспортники могли сесть и забрать людей требовалось решить как минимум две задачи. Первая – установить портативные радиомаяки, по которым летчики будут ночью вести самолеты на посадку. Вторая – уговорить командира афганского подразделения, защищавшего аэродром, продержаться до окончания нашей операции.

Лена решала первую задачу, а я – вторую. Мы действовали совершенно автономно от других участников операции. Маяки, как и другая аппаратура, у нас были для выполнения другого задания. Собственно наличие этой аппаратуры и было той причиной, по которой нас привлекли. Моя напарница успешно справилась со своей частью работы. Она быстро нашла подходящие места для радиомаяков и была готова по сигналу с самолетов их установить. Я же встретился с командиром афганцев майором Харуном и после долгого сложного разговора, изобилующего восточными тонкостями, убедил его в том, что помочь «шурави» является не только его союзническим долгом, но и выгодно ему с материальной точки зрения.

За определенную, между прочим, весьма немалую сумму американских долларов, он обещал удерживать талибов на окраине аэродрома до утра. Конечно, если не случится ничего неожиданного.

Однако, обстановка резко изменилась и Москвой было принято решение операцию проводить днем. Все же задание было выполнено практически без потерь, наши люди спасены, но я в последний момент получил пулю в ногу из какого-то старинного мултука. Я бы погиб, если бы не Ленка. Она нашла меня, лежащего без сознания у полуразрушенного глиняного забора, оказала первую помощь и дотащила до бойцов Харуна. С отрядом Харуна мы отступили в горы. Лена там меня покинула по приказу начальства, а мне пришлось провести два месяца на лечении у местного доктора. До сих пор с ужасом вспоминаю афганскую медицину. Тот лекарь хотя и учился у нас в Екатеринбурге, но явно отличником не был. Так, курс обезболивания он точно прогулял. Перед тем как извлечь пулю какими-то жуткими щипцами, он просто дал мне покурить анаши. Но, несмотря на такое лечение, я все же остался жив и даже снова смог ходить. Такая вот восточная сказка.

Стук в дверь прервал мои воспоминания. В комнату заглянул Человек-гора и велел мне следовать за ним. Он проводил меня вниз в большую светлую комнату, которая очевидно служила кабинетом. Там, удобно расположившись в больших кожаных креслах, о чем-то разговаривали Лена и вездесущий Александр Александрович. Александр Александрович предложил мне также сесть в свободное кресло. Человек-гора остался стоять у дверей.

– Ну вот, все в сборе, – произнес, как всегда хмуро, мой новый шеф. – Начнем. Сейчас, Баринов, я познакомлю вас с сутью поручаемого вам задания.

– Я весь внимание, гражданин начальник, – жизнерадостно ответил я, игнорируя его надутый вид.

Александр Александрович кивнул.

– Начну я, пожалуй, с информации о сегодняшней политической обстановке в нашей стране. Как вы все знаете, состояние здоровья Президента в последнее время оставляет желать лучшего. Не за горами следующие президентские выборы. Уже сейчас ясно, что нынешний Президент не сможет принять в них участие. Поэтому, для очень многих важнейшим вопросом становится вопрос преемника. Кто будет управлять страной следующие два срока? Сразу замечу, что у нас, каждый президент, скорее всего, будет у власти два срока. Так уж складывается по многим причинам. Так вот, различные влиятельные силы сегодня готовы сделать все, пойти на любые меры, чтобы обеспечить победу своего человека. По последним опросам наибольшей популярностью у населения пользуется лидер Национальной либеральной партии Боровский. Используя тяжелое экономическое положение, применяя дешевые демагогические приемы и раздавая направо и налево любые обещания, он уверенно набирает очки. В настоящее время он самый реальный кандидат на президентский пост. Если его не остановить, может произойти катастрофа. Боровский в кресле президента – это экономический крах и гражданская война. Не дай нам Бог такого руководителя! Бойня в Югославии покажется тогда детской ссорой в песочнице. У нас могут погибнуть миллионы людей. Вы же слышали его заявления. Отмена в стране демократических свобод, введение диктатуры, оголтелый национализм, предъявление территориальных претензий практически всем нашим соседям, полный пересмотр внешней политики. Такого развития событий допустить нельзя. Конечно, в связи с этим многое уже делается, но и мы должны внести свой вклад в спасение страны. Нашей организацией разработан план нейтрализации Боровского. Важную часть этого плана поручено выполнить присутствующим здесь. Должен сразу предупредить – действия нашей группы, разумеется, совершенно незаконны, но наиболее целесообразны в складывающейся обстановке. Если операция провалится, вы, Баринов, останетесь совершенно один. Никто защитить вас не сможет.

– Под нейтрализацией вы понимаете ликвидацию? – спросил я прямо Александра Александровича.

– Нет. Я имею в виду дискредитацию Боровского в глазах народа.

– И какова наша роль в этом проекте?

– Сейчас объясню. Не позднее конца декабря наша группа должна провести похищение Боровского. Да-да, именно так. Боровский должен быть похищен и спрятан на несколько дней. За это время наши люди в Думе, правительстве, правоохранительных органах и средствах массовой информации проведут кампанию по его полной дискредитации. Материалы уже готовятся.

– А зачем нужен я? – задал я вопрос, который мне не давал покоя с самого начала.

– Ваша роль, Баринов, главная. Дело в том, что у Боровского очень неплохая охрана. Он знает, что его победа очень многих не устроит. Врагов у него хватает. Поэтому, своей безопасности он уделяет первостепенное значение. Несмотря на все старания, наши люди не смогли внедриться в его окружение. Однако одно слабое место в системе защиты мы все-таки нашли. Дело в том, что Боровский тщательно заботится о своей физической форме и посещает один фитнес-клуб, членом которого давно состоит. Только там он остается практически один. Его охрана обычно находится у входа и в вестибюле, а в тренажерном зале Боровский занимается с тренером. Конечно, в это время там, также, могут быть другие члены клуба. Наш план состоит в том, чтобы устроить вас, Баринов, на работу в охранный предприятие, которое охраняет этот фитнес-клуб. Мы постараемся, чтобы в нужное время в клубе оказалось как можно меньше посторонних. Ваша задача, используя свое умение, нейтрализовать телохранителей Боровского, захватить его и вывезти в условленное место. Там вы сдадите его нашим людям и считайте, что свое задание выполнили.

– А что вы имеете в виду под нейтрализацией телохранителей, тоже их дискредитацию в глазах народа? – решил уточнить я.

– Не ерничайте, Баринов! – одернул меня шеф. – Обязательная их ликвидация не входит в наши планы, но сами понимаете, не в игрушки играем. Решать придется вам. Если будет такая необходимость, то...

Александр Александрович многозначительно замолчал и грозно посмотрел на меня. Я понимающе подмигнул ему. В ответ на мое легкомыслие у шефа зло сжались губы. Ничего, пусть терпит, раз связался со мной. Немного помолчав, Александр Александрович продолжил:

– На время проведения операции, вам, Баринов, присваивается оперативный псевдоним «Мангуст». Елена Николаевна будет осуществлять связь между вами и мной. Андрей Петрович Казионов будет тем человеком, которому вы передадите Боровского, – шеф кивнул на богатыря у дверей.

– В общих чертах план мне понятен, – сказал я. – А что будет после того, как Боровский сойдет с политической арены?

– После того, как Боровский перестанет представлять опасность, Президент официально назовет народу своего преемника. Такая кандидатура у Президента есть. Поверьте мне, это достойный человек. Пока малоизвестный, но это, как известно, дело поправимое. За оставшееся до выборов время, этот человек сумеет навести в стране порядок, укрепить свое положение, приобрести популярность, чтобы стать следующим законным президентом.

– А этот человек знает о нашей операции? – спросила Лена.

– Да, знает, – немного поколебавшись, ответил Александр Александрович. Он обвел всех присутствующих внимательным взглядом и добавил:

– Но будем считать, что «он» ничего не знает.

– Что ж, как говорят любимые Бариновым китайцы: «Нельзя войти в реку, не замочив ног», – заметила Лена.

– Почему китайцы? – возразил я ей. – Скорее японцы. Японцы говорят: «Чтобы собрать красивый букет, нужно срезать самые свежие орхидеи».

Часть вторая

«Сильный старается опередить тех, кто слабее его; слабый – тех, кто сильнее его».

«Ле-цзы» (Трактат учителя Ле) – учение даосизма (V в. до. н. э.)

1

Вот и наступил ноябрь. Дождливая осень постепенно уступала свое место надвигающейся зиме. На столичных улицах стал появляться первый снежок. Легкий морозец по утрам начал кусать москвичей за щеки. Я, уже пару недель, исправно ходил на новую работу. Жил я теперь в съемной однокомнатной квартире на Бауманской улице, недалеко от Басманного рынка. До работы первое время приходилось добираться на метро, пока, с помощью денег полученных от Александра Александровича, я не приобрел старенькую «шестерку» с угрожающей наклейкой сзади: «убийца иномарок!».

Устройство на работу в охранное предприятие прошло совершенно обыденно. Мои документы на имя Васильева не вызвали у кадровика никаких подозрений. Из-за большой текучки персонала, вызванной пьянством и низкой оплатой труда, люди в эту фирму требовались постоянно. Поэтому, без долгих разговоров, я был зачислен в штат, и направлен на работу в главный офис одной из компаний сотовой связи, где сменил на посту какого-то типа с пропитой физиономией. Пока мне предстояло работать здесь. Несколько дней я благополучно просидел за монитором видеонаблюдения у дверей офиса.

Все это время, я не поддерживал никаких контактов с моими руководителями и только один раз встретился с Леной. Она позвонила мне на мобильник и назначила встречу в Сокольниках. Мы посидели в ее маленькой мазде и я, отчитавшись о проделанной работе, получил дополнительные инструкции. У Лены на вечер были билеты в Ленком на «Юнону и Авось», но до спектакля еще оставалось немного времени, поэтому после деловой части, мы смогли немного поболтать.

– Зная тебя, никогда бы не поверил, что ты могла ввязаться в подобную авантюру из патриотических чувств, – сказал я, пока Лена рассеянно оглядывала окрестности из окна машины.

– Скрывать не буду, я ввязалась в эту, как ты ее называешь, авантюру вовсе не из патриотических чувств, – ответила она. – Я делаю это только из карьерных видов. Если операция пройдет удачно, то, думаю, это очень поможет мне по служебной линии. Я не собираюсь всю жизнь ходить колесом, выполняя чужие приказы. Пришла пора подумать о том, что меня ждет в будущем.

– И что тебя ждет в будущем? – спросил я.

– О, у меня есть большие планы, о которых я сейчас распространяться не буду, – ответила красавица. Она посмотрела на меня, наконец оторвавшись от созерцания зимних видов за окном, и добавила, усмехнувшись:

– Могу только сказать, что мои дальнейшие планы никак не связаны с той организацией, в которой мы с тобой столько лет работали.

– Мне кажется, что раньше ты не была такой расчетливой и циничной сукой, – заметил я.

– При чем здесь цинизм? Я просто стала трезво смотреть на многие вещи. Изменилась наша жизнь, изменилась и я. Ты, Сережа, ведь тоже сильно изменился.

– Надеюсь в лучшую сторону? – спросил я.

– Как сказать, – покачала головой красавица. – По-моему ты ведешь себя глупо.

– Почему глупо?

– Мне кажется, что сейчас нужно быть сильным, не бояться рисковать. Только так можно заработать на кусок хлеба, намазанный толстым слоем икры. А ты, Сережа, просто куда-то сбежал, бросив все, чего добился. Признаюсь, когда-то ты мне очень нравился, – Лена грустно усмехнулась. – Я даже строила планы, как тебя завоевать, но постепенно поняла, что мы совершенно разные. Ты – волк-одиночка. Чертов самурай. Всегда прячешь за чужими цитатами свои истинные мысли и чувства. Ты из тех чудаков, для которых собственные фантазии важнее реального мира. А я предпочитаю реальный мир и готова к нему приспосабливаться.

– Ну что ж, Сунь-цзы сказал: «Мудрый человек избирает один путь и целеустремленно следует ему», – заметил я. – Будем целеустремленно следовать каждый своим путем. Но в главном ты, Лена, не права. Для меня важны не фантазии, а собственная совесть. С некоторых пор самым важным для меня стало внутреннее спокойствие и согласие с самим собой.

Лена пожала плечами и ничего не ответила. Я решил сменить тему.

– Лучше скажи, зачем в Питере меня сунули в камеру к тем придуркам?

Лена улыбнулась.

– Ну, во-первых, чтобы тебя можно было бы еще сильнее прижать, после той истории с питерскими оперативниками, а во-вторых – проверить, годишься ли ты, не потерял ли своего мастерства. Откровенно говоря, Александр Александрович был против твоего участия в операции. Он очень скептически относится к твоим возможностям и считает, что можно было бы найти и более подготовленного человека.

– И почему же его не послушали?

– Не знаю. Начальству виднее. Видимо сыграли роль еще какие-то факторы.

«Знаю я эти факторы, – подумал я. – Просто мной можно с легкостью пожертвовать».

Разговор с Еленой оставил у меня сложное чувство. К этому времени на основании анализа имеющихся данных у меня уже сложилась своя версия происходящих событий. И если я был прав в своей оценке, для того, чтобы выжить, мне необходимо было срочно обратиться к врачу, желательно к хорошему хирургу.

Отработав в офисе компании сотовой связи три недели, я узнал, что со следующего понедельника меня переводят в фитнес-клуб «Элит-спорт». Охранник, давно работавший там, внезапно заболел и попал в больницу на неопределенное время. Стало ясно, что Александр Александрович время зря не теряет. Директор клуба потребовал срочно заменить выбывшего работника новым, а так как этот объект в нашем охранном предприятии считался невыгодным, на него направили новенького, то есть меня.

Фитнес-клуб располагался в Филях, недалеко от станции метро Филевский Парк, в новом двухэтажном здании. Перед входом находилась большая автостоянка, предназначенная только для машин посетителей «Элит-спорта». Я скромно припарковал свою «убийцу иномарок» подальше от входа. В клубе меня приветливо встретила хорошенькая девушка-менеджер в фирменном синем платье и объяснила, что я должен делать. Мои обязанности заключались в том, чтобы сидеть у дверей за столом, оборудованным видеомонитором и предотвращать проникновение в этот храм здоровья разных подозрительных личностей. Кроме того, я должен был следить за порядком на стоянке и не позволять пользоваться ею посторонним. Моя смена начиналась за полчаса до открытия клуба в девять тридцать утра и заканчивалась в десять часов вечера. После двух рабочих дней следовали два дня отдыха. После того как последний посетитель покинет заведение и сотрудники уйдут домой, я должен был подождать пока менеджер закроет двери и поставит клуб на сигнализацию.

Выслушав инструкции, я попросил разрешения немного осмотреться. На первом этаже у входа сразу за столом охранника располагалась стойка двух дежурных менеджеров, кото-

рую они гордо именовали рецепцией. Покрытая красным ковром лестница сбоку от стойки вела на второй этаж. Пройдя мимо рецепции вглубь помещения, можно было попасть в небольшой коридорчик с дверями справа и слева. Справа находилась туалетная комната, слева – кабинет директора с бухгалтерией. Далее, коридор выводил вас в крошечный, но весьма уютный фитнес-бар с барной стойкой у правой стены и тремя столиками для клиентов клуба. В левой стене бара виднелась запасная дверь во двор. На втором этаже располагались два тренажерных зала, баня-сауна и помещения для переодевания с железными шкафами. В клубе пахло дорогим парфюмом и большими деньгами.

Вскоре я познакомился и с персоналом заведения. Он состоял из заведующей, двух симпатичных девушек-менеджеров, женщины-врача, двух тренеров разного пола, массажиста Володи и бармена Оли Жаровой.

Посетителями фитнес-центра, как правило, были очень состоятельные люди: крупные бизнесмены, известные в прошлом спортсмены, политики, уголовные авторитеты и представители различных правоохранительных органов в больших чинах. Здесь они, оставив за дверями свои заботы, старательно качали на тренажерах дряблые мышцы, лежали на массажном столе, сидели в сауне и мирно попивали в безалкогольном баре фито-чай после тренировки. В клубе действовало неписанное правило – о делах не говорить. Все разговоры велись только о занятиях, упражнениях, сброшенных килограммах и здоровом питании.

Моим сменщиком оказался молодой парень из Казани по имени Саша. Отслужив в Подмосковье срочную, он решил завоевать столицу и начал свое завоевание с работы в охранном предприятии. В фитнес-клубе он работал уже около года и давно стал здесь своим человеком. Первый день мы работали вдвоем, и он всячески старался помочь мне сориентироваться на новом месте.

– Главное тут – понравиться хозяину, – наставлял меня Саша, – Хозяин, Владимир Иванович, – человек серьезный, бывший офицер. Он сюда часто заезжает, проверить, как тут идут дела и заодно потренироваться в спортзале. Заведующая Елена Петровна сама ничего не решает, бегаёт по любому пустяку к хозяину. Он бы ее давно уже выгнал, но дочка нашей Елены замужем за каким-то «крутиком» из городской администрации, а такие связи всегда могут пригодиться. Когда я только начал здесь работать, хозяин меня вообще не замечал, даже не здоровался, когда приезжал. Я был крайне возмущен, а ему было крайне наплевать на это. Потом уже, постепенно, он разглядел во мне человека и теперь даже руку подает при встрече. Но все равно, здесь он, так сказать, второй после Гитлера.

– А кто «Гитлер»? – спросил я.

– Жена шефа, Изольда Семеновна. Она может рушить города своим криком. Чтобы на такой жениться, надо быть смелее смелого. Вот она-то тут и крутит всеми, как хочет.

– А ты не пробовал завоевать ее расположение? – поинтересовался я у Сашки.

– Да что ты! У нее морда шире среднестатистической сковородки! Знаешь, цель всей моей жизни – умереть как можно позже, а подружиться с Изольдой – это слишком жестокий способ самоубийства. Советую и тебе держаться от нее подальше.

– Хорошо, – не стал я спорить. – Расскажи мне еще что-нибудь интересное.

– А еще ты скоро познакомишься с проверяющим из нашей конторы, – продолжал Саша свой инструктаж. – Витя Покин-Черета. Очень яркая личность, скажу я тебе. Настоящее украшение нашего предприятия.

– Это у него прозвище такое?

– Фамилия! Похоже у него было трудное детство толстого мальчика, после которого Витя в любое время суток всем пытается доказать что на этом свете он самый сильный. Прежде чем подать ему руку, советую ее хорошенько размять. Здоровается Витя так, словно хочет тебе ее сплющить.

– Он что, действительно такой здоровяк?

– Витя ежедневно тренируется так усердно, как будто ему завтра предстоит схватка с тремя великанами. Я сам видел. Зрелище не для слабонервных.

– Ладно, в качестве приветствия буду махать ему издали рукой, – пообещал я.

– Ну что же, мавр сделал свое дело, мавр может отправляться спать, – сказал на прощание Сашка и ушел.

Он ушел, а я остался обеспечивать безопасность посетителей клуба и готовиться к расправе с одним из них.

С коллективом я быстро нашел общий язык и часто болтал о том о сем с коллегами во время обеда, сидя за маленьким круглым столиком во владениях Ольги Жаровой. Сама Оля была личностью неординарной. Она была такая худая, что если бы однажды забыла съесть свой утренний йогурт – наверное, исчезла бы. На работу Оля приезжала на ладе последней модели позже всех, уезжала с работы раньше всех, позволяла себе спорить с заведующей, и была близко знакома со многими посетителями клуба. Вскоре я узнал от девчон-менеджеров, что она раньше была замужем за одним из членов фитнес-клуба, известным предпринимателем, которого пару лет назад коллеги по бизнесу взорвали в автомобиле. Оля осталась без средств к существованию и хозяин нашего заведения по старой дружбе взял ее на работу.

Вскоре познакомился я и с легендарным Витей Покинью-Чередой. Однажды утром, когда я только заступил на смену, в двери с грохотом ворвался небольшого роста человек в кепке хулиганского фасона и гаркнул во все горло: «Привет кореш!» Не дожидаясь моего ответа, человек в кепке схватил мою руку и сжал ее с неожиданной силой.

– Я – Витя, твой проверяющий, – представился он. – Чем занимаемся?

– Сижу, смотрю..., – промямлил я.

– Молодец! – похвалил меня Витя. – Так держать! – и убежал в кабинет заведующей. Я еще не успел прийти в себя от такого напора, как проверяющий вернулся и навис над столом, за которым я сидел.

– Ну, признавайся, чье тело молодое истоптал? – заорал он, кивая на хорошеньких менеджеров. Видимо говорить спокойно он не умел.

– Куда уж мне, – печально ответил я. – Силы давно покинули рыцаря.

– Да ты что? – возмутился Витя. – При твоём росте и внешности ты должен быть разодран на части этими кричащими «хочу!» девками еще при входе в клуб! В общем, тебе задание – выбери девочку по вкусу и вперед за орденами! Сегодня же начинай движение души.

Лихой проверяющий ободряюще хлопнул меня изо всех сил по плечу и также стремительно исчез, как и появился. Я взглянул на часы. Весь визит Вити занял четыре минуты сорок секунд.

2

На смену прохладному ноябрю пришел морозный декабрь и засыпал снегом Москву. Отпущенный мне на операцию срок неумолимо подходил к концу, а Боровский в «Элит-спорте» не показывался. Благодаря некоторым усилиям, я быстро стал своим человеком в клубе. Шутил с Жаровой, бегал по просьбе девушек-менеджеров в магазин напротив за сырками и кефиром, слушал рассказы массажиста о его любовных похождениях. Смена за сменой проходили однообразно и некоторое оживление иногда вносил только Витя Покинью-Череда. Изредка он появлялся у нас на несколько минут, перебрасывался со мной парой слов, узнавал у заведующей, нет ли у нее жалоб на охрану, и быстро убегал проверять другие объекты.

Пару раз в фитнес-центр приезжал Владимир Иванович с Изольдой Семеновной. Увидев меня впервые, буржуинская чета подошла и поговорила со мной, задав несколько обыч-

ных в таких случаях вопросов: как зовут, давно ли работаю в охране, нет ли каких-либо трудностей с исполнением обязанностей? Затем, видимо вполне удовлетворенные моими ответами, хозяева, не торопясь, проинспектировали свои владения в сопровождении Елены Петровны, пошептались с барменшей и отбыли восвояси. Приехав в следующий раз, хозяин уже без церемоний пожал мне руку, а его жена благосклонно улыбнулась.

Посетителей клуба можно было разделить на две категории: важные и очень важные. Между этими основными категориями находилась прослойка их взрослых деток. Важные посетители приезжали на дорогих машинах, не торопясь, выходили из них, и с дорогими спортивными сумками следовали мимо меня в тренажерные залы. Очень важные посетители приезжали на очень дорогих машинах в сопровождении охраны, которая несла за ними все необходимое для занятий. Очень важных клиентов у лестницы встречал персональный тренер и провожал их наверх. После тренировок важные посетители остывали в фитнес-баре, беседуя за чашкой чая, друг с другом или с Олей. Очень важные никогда не задерживались и сразу уезжали по своим очень важным делам.

На фирме моей работой были довольны. Даже пообещали вскоре послать на какие-то курсы. К сожалению, не на курсы повышения зарплаты.

Однажды, в темный пасмурный вторник, наблюдая в монитор за стоянкой перед клубом, я увидел, что к нам лихо заворачивает большой черный микроавтобус с наглухо затонированными окнами.

– Наташа, глянь. Что это за незваные гости к нам пожаловали? – спросил я у менеджера.

Девушка подошла к стеклянным дверям, и, мельком взглянув, вскрикнула:

– Ой, это же сам Боровский!

– Откуда ты знаешь?

– Он всегда к нам приезжает на этой машине. Сашка говорил, что там у него целый взвод бодигардов помещается.

Пока мы удивлялись, из припарковавшегося у самого входа микроавтобуса, вышли пятеро мужчин. Четверо из них фигурами напоминали стволы каких-то столетних деревьев, например, дубов. Пятый мужик на фоне этого «леса» выглядел совершенно невыразительно. Однако, несмотря на свою невзрачность, именно он тащил огромную спортивную сумку. «Дубы» окружили плюгавого и в этом боевом порядке дружно двинулись на штурм наших дверей.

Наташа и Катя, девочки-менеджеры, выпрямились за стойкой, одернули платяца и, как по команде, наклеили на лица любезные улыбки.

Первыми в клуб вошли два передовых телохрана и, не обращая на меня внимания, окинули помещение цепкими взглядами. Убедившись, что все в порядке, один из них открыл дверь и впустил Боровского. Два древоподобных охранника остались караулить снаружи.

Партийный лидер, видимо демонстрируя свой демократизм и горячую любовь к народу, пожал этому народу, то есть мне, руку. Я про себя отметил, что рука, которой он обещал навести в России порядок, оказалась не такой уж твердой.

Наташа и Катя радушно приветствовали Боровского. Политический деятель с облегчением бросил тяжелую сумку на пол и, отдуваясь, добродушно спросил:

– Что у вас новенького, девочки? Замуж не повыходили?

Катя, которая постоянно пыталась извлечь материальную выгоду из любого, даже мимолетного, общения с мужчинами, радостно спросила:

– Николай Бенционович, вы не забыли ваше обещание?

– Какое? – осторожно поинтересовался тот.

– Ну как же! Когда вы последний раз были здесь, то сказали, что в следующий визит подарите нам с Наташкой билеты на концерт «На-На»!

– В самом деле, я так сказал? – искренне удивился политик. – Совершенно не помню.

– Все с вами понятно, – обиделась Катя. – Тогда идите наверх, заниматься!

Боровский не стал больше задерживаться и поднялся в тренажерный зал. Один из охранников последовал за ним, другой присел в баре.

Я вышел на улицу и достал сотовый. Лена сразу же отозвалась, как будто ждала моего звонка.

– Груз прибыл. К нему в комплекте четыре баобаба.

– Какие еще баобабы? Хватит дурачиться! Ты что – пьян? – рассердилась железная леди.

– Я на работе не пью, Если не веришь, могу дыхнуть в трубку, – обиделся я.

– Ладно, не дуйся. Постарайся узнать, когда груз прибудет снова, – приказала Елена.

Я вернулся на свое место. Вскоре из бара ко мне подошел охранник Боровского.

– Подскажи, где здесь у вас туалет?

– Мочевник за рецепцией, справа, – рассеянно ответил я, так как в этот момент решал, как лучше выполнить полученный приказ.

Настороженно оглядываясь, боец отправился по указанному адресу.

– А где Виталя? – спросил другой охранник, спускаясь по лестнице.

– Сидит на белом камне, котлеты выгружает, – отозвался я и перешел в наступление.

– Слушай, вам хорошие люди не нужны? Прикинь, сижу здесь по двенадцать часов за десять «косарей» в месяц, а у меня принцип – минимум усилий, максимум оплаты!

Телохранитель с сомнением оглядел меня.

– Нам нужны парни помоложе и побатыристей. У нас ведь тоже не сладко. День в карете, два пешком. Иной раз приходится вкалывать до потери кала!

– Ну, ты все-таки узнай у начальства, – приставал я. – Может и мне найдется место у алтаря?

Ведя разговор, я попутно анализировал своего собеседника. Его карие глаза изучающее смотрели на меня, брови дергались от мыслительных усилий, уголки рта кривились в недоверчивой улыбке. Частые паузы в речи – также свидетельство недоверия. В общем – рефлексы профессионала среднего уровня.

– Ладно, узнаю, – сдался, наконец, охранник. – Как в следующий раз приедем, я тебе скажу ответ.

– Это когда? – не нарушая темпа речи, самым естественным тоном, задал я главный вопрос. Надо было быть очень подготовленным специалистом, чтобы не клюнуть. И парень попался.

– Через неделю, в следующий вторник, – машинально ответил он и вдруг испуганно закрыл рот рукой. – Но я тебе ничего не говорил, понял?

– Понял, не переживай, – успокоил я его. – Буду надеяться, что и на моей улице первернется грузовик с повидлом.

– Ты почему один? Где напарник? – обрушился на охранника, появившийся Боровский. Но Виталя уже спешил к нам, застегивая на ходу пуговицы.

– Вы кто? Бодигарды или приложение к «Мурзилке»? – злился политик. – Не могут полчаса потерпеть!

В окружении своих «дубов» кандидат в президенты покинул наше заведение. На мою самую лучшую прощальную улыбку он не ответил. Видимо она была недостаточно бело-снежной.

3

Проводив Боровского, я снова позвонил своему голубоглазому начальству и сообщил дату его следующего визита. Лена ненадолго задумалась, потом сказала:

– Нам нужно увидеться.

– Когда и где?

– Давай завтра вечером в семь. У меня, – она назвала адрес.

– Нет ничего дальше, чем вчера, нет ничего ближе, чем завтра! – весело продекламировал я китайскую пословицу и спросил:

– А что у нас на вечер? Программа «Разврат и мы»?

– И не мечтай! – фыркнула красавица и отключилась.

Приехав за полчаса до встречи, я, по старой привычке, на всякий случай познакомился с живописными окрестностями знаменитой Тверской улицы. Елена жила в новой многоэтажке, одиноко торчащей в одном из старинных переулков. Воспользовавшись лифтом, я поднялся к ней на шестой этаж. Лифт был явно антивандальной модели, специально для России – полностью металлический, созданный с учетом высокой враждебности населения.

Хозяйка встретила меня в полной боевой готовности. Достоинства ее стройной фигуры подчеркивало шикарное, черное с серебром, вечернее платье. Белокурые волосы были уложены в искусную прическу и опрысканы лаком. Большие голубые глаза умело подведены. От женщины исходил легкий аромат духов.

Вручив начальнику цветы, я прошел в гостиную и уселся в огромное итальянское кресло. Елена поставила букет в вазу и спросила меня:

– Чем тебя угостить? Есть коньяк, водка, пиво.

– Хватит с меня этих баварских пивных праздников. Давай, для разнообразия, выпьем чего-нибудь приличного.

– Тогда я приготовлю нам коктейль «Куба Либре», – решила хозяйка и отправилась на кухню.

Чтобы ей не было одиноко, я последовал за ней.

– Не забыла еще, как это делается? – спросил я, наблюдая за ее сноровистыми действиями.

Лена разлила по бокалам ром и положила несколько кусочков льда. Затем долила бокалы колкой и выдавила дольку лайма.

– После восьми лет жизни на Кубе, трудно разучиться делать коктейли, – сказала красавица, осторожно размешивая содержимое бокалов. – Ну, вот и готово!

С питьем в руках мы вернулись в уютную гостиную и устроились рядышком на диване.

– Что скажешь? – спросила Лена, дегустируя напиток.

– Познакомился с клиентом, – осторожно начал я. Всегда приходится считаться с наличием записывающей аппаратуры. Дама, рядом со мной, поняла меня и звонко рассмеялась.

– Расслабься. Здесь нет «прослушки». Можешь говорить открыто.

– Я рассмотрел вблизи эту гильдию обреченных, – продолжил я. – Боровский конечно не комильфо. Типичный политикан.

– Как его охраняют?

– Я видел четверых. Каждый из них тяжелее меня раза в полтора. Все вооружены СП-4 – бесшумными пистолетами для спецназа.

– Как ты узнал?

– Попросил поиграть, – отшутился я. Не объяснять же женщине, что Виталик не успел прикрыть оружие, выбегая из туалета.

– Твое мнение о возможности проведения операции? – деловито задала следующий вопрос Елена.

Я скорбно поджал губы.

– Будет трудно. Эти ребята свое дело знают туго.

– Ну и какой же вывод? Что мне доложить Александру Александровичу? – настаивала красавица.

В ответ я грустно прочитал:

– Подобные вишневому цвету

Мы опадём,

Чистые и сверкающие...

– Как красиво. Что это? – спросила Лена.

– Прощальное письмо одного камикадзе из отряда «Семь жизней», – печально ответил я и, смахнув несуществующую слезу, одним глотком осушил свой бокал.

– Ну что ты, Сережа, – мягко сказала Ленка и «нечаянно» придвинулась ко мне поближе. – Зачем так мрачно. Я верю, что у тебя все получится.

Я, в свою очередь, совершенно случайно обнял ее и нежно проворковал в розовое ушко:

– Спасибо, дорогая Елена Николаевна. Ваша вера приведет меня к победе.

Тело женщины под моей рукой вдруг расслабилось, белокурая головка легла мне на плечо и голубоглазая бестия прошептала:

– Ты все издеваешься надо мной, дурачок, а я ведь действительно боюсь за тебя.

Она вздохнула и поцеловала меня в губы. Я ответил ей и она, сбросив платье, властно потянула меня на себя...

Возвращаясь утром домой, я думал над странным поведением Елены. Она всегда была холодной, рассудительной натурой и вдруг подарила мне такую страстную ночь. Обращал на себя внимание и следующий факт. Поздно ночью, когда наши любовные силы иссякли и мы просто лежали, обнявшись, я, неожиданно для себя самого, спросил подругу:

– Ты случайно не знаешь, зачем Александр Александрович хочет сегодня со мной встретиться?

Лена вздрогнула и, открыв глаза, с удивлением посмотрела на меня.

– Я ничего об этом не знаю, дорогой. Он что, тебе звонил?

– Ну да. Позвонил, теперь уже вчера, и велел мне приехать к нему на Малую Никитскую, сегодня в двенадцать дня.

– А почему ты раньше ничего не сказал?

– Говорю теперь.

Лена рывком села и задумалась.

– Я знаю этот адрес. Александр Александрович вызвал тебя на явочную квартиру. Мы ее используем для встреч. Странно только то, что он связался с тобой в обход меня. Ведь он сам назначил меня связной между ним и тобой.

Я пожал плечами.

– Возможно, что-то произошло. Ладно, не парься! Скоро все узнаем.

– В общем так! Я поеду с тобой, – решила женщина. – Утром отправляйся к себе, а за полчаса до встречи с Александром Александровичем подберешь меня у метро Арбатская. Хочу лично у него узнать, почему он вдруг меняет согласованную схему действий!

– Слушаюсь, мой генерал, – улыбнулся я и, обняв своего непосредственного начальника, закрыл глаза.

Теперь, вспоминая реакцию Ленки на мой вопрос, я почувствовал в ней какую-то фальшь. Что-то с моей Еленой Николаевной было не так.

4

Без пяти двенадцать мы подъехали на моей старенькой «шестерке» к дому по Малой Никитской улице. Это было длинное серое здание еще сталинской постройки. У нужного

нам подъезда места для парковки не было и, высадив Елену, я проехал дальше, в поисках свободного места.

В боковое зеркало я видел, как женщина, не торопясь, зашла в парадное. И почти сразу раздались выстрелы! Сначала – один, потом, после небольшой паузы, – другой. Стреляли в парадном, за дверями которого только что скрылась Елена.

Едва затих глухой звук второго выстрела, как я уже бежал к подъезду, бросив машину посреди улицы. Сердце ледяными пальцами сжал страх за Ленку. Идиот! Зачем я отпустил ее одну! Ведь знал же, что добром эта история не кончится!

Пока одна половина моего мозга ругала на все лады своего хозяина, другая работала за двоих, оценивая обстановку. Возле дома никого не было видно, только несколько автомобилей стояло у тротуара. Есть ли кто внутри, определить было невозможно. День выдался пасмурный, да еще эта мода на тонированные стекла... Также было непонятно, кто стрелял. Я не знал, есть ли у Ленки при себе оружие. На плече у нее висела сумочка, но ее скромные размеры явно не позволяли спрятать в ней пистолет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.